

ЛЫЖНИК

Автор:

Александр Санфи́ров

Лыжник

Александр Юрьевич Санфи́ров

Боевая фантастика (АСТ)

Александр Петров не в курсе, как сделать автомат Калашникова, не силен в экономике и не знает, что советовать Брежневу. Он даже не помнит особо дат и событий прошлого, хотя прожил длинную жизнь. Волей провидения его сознание в момент смерти перенеслось в его же тело, но на пятьдесят лет назад. Перед ним появляется море возможностей прожить совсем другую жизнь; зная будущее, это сделать не так уж сложно. Но он решает остаться в спорте и добиться в нем лучших результатов, чем были у него в прошлой жизни.

Александр Санфи́ров

Лыжник

Глава первая

– На сегодня все, молодцы, отлично откатали, – сообщил седой, плечистый мужчина в спортивном костюме десятку парней, снимающих лыжероллеры. – Завтра тренировка в десять утра, не опаздывайте!

После этих слов он повернулся и, сильно прихрамывая, направился в сторону автобусной остановки.

– Чего не предложил подвезти? – спросил светловолосый паренек у стоявшего рядом товарища.

– Как будто не знаешь, – огрызнулся тот. – Александр Петрович всегда пешком домой добирается.

– Ты заметил, он в последнее время сильнее хромает? – озабоченно сказал светловолосый. – Мне кажется, у него опять боли появились.

– Да он всю жизнь хромает, – беспечно сообщил высокий парень с породистым лицом. – Наш Петрович еще фору может молодым дать. Давай, Вован, заводи свою тачку, что-то после тридцатки домой пехом ноги не идут.

А у Александра Петровича Петрова, старшего тренера ДЮСШ № 2, действительно разболелась нога. Старая травма долго не напоминала о себе, но после шестидесяти лет болячка неожиданно проснулась и набросилась с новой силой на пожилого человека.

– Водки, что ли, выпить, – размышлял он, проходя мимо сверкающих витрин супермаркета. – Ведь опять не усну полночи.

Приняв решение, Александр Петрович зашел в магазин и, отстояв небольшую очередь, вышел из дверей с пластиковым пакетом. В это время ему навстречу поднимались по ступенькам трое подвыпивших подростков. Один из них ловко выхватил из рук мужчины пакет и попытался убежать. К удивлению хулиганов, хромой старик оказался неожиданно быстр и успел ногой, обутой в кроссовку, ударить грабителя по лодыжке. Запутавшись в своих ногах, тот кубарем покатился по ступенькам, пакет вылетел из его рук, и содержимое разбитой бутылки растеклось по истоптанным грязным плиткам.

Стоявший сбоку мальчишка резко толкнул тренера. Поскользнувшись на больной ноге, тот тоже упал и сильно ударился затылком о ступеньку. Оба парня в оцепенении глядели, как из-под головы старика появилась темная кровяная лужица.

– Вы что, полудурки, натворили! – плачущим голосом закричал поднявшийся к ним мальчишка. – Здесь же камеры кругом стоят! Нас посадят! Бежим нах

отсюда! – И первым рванул в темноту.

Упавшему старику, заслуженному тренеру республики, воспитавшему не одного чемпиона Советского Союза и просто давшему путевку в спортивную жизнь десяткам трудных подростков, бегство троицы было уже безразлично. Только губы мертвеца оставались изогнуты в легкой снисходительной усмешке.

* * *

Изо рта облаком пара вырывалось судорожное дыхание. В мозгу билась мелодия песни, беззвучно повторяемая губами:

Пока ходить я умею,

Пока глядеть я умею,

Пока дышать я умею,

Я буду идти вперед...

Эти строчки повторялись рефреном, и в такт им мощно работали ноги, продвигая лыжи, а руки резко отталкивались палками.

– Сашка! Хорошо идешь! – прозвучал отцовский голос со стороны. – Наддай на подъеме.

От неожиданности Александр Петрович остановился и посмотрел в сторону, откуда прозвучал так давно не слышанный голос.

Он стоял на лыжне, пробитой по засыпанной снегом лесной дороге... На ярко-голубом небе сияло солнце, белейший снег сверкал под его лучами, невдалеке стояла кучка тренеров, среди которых находился его отец, озадаченно смотрящий на него.

«Это что, сон?!» – подумал Александр Петрович, и в этот момент его по плечу ударила лыжная палка, и со словами «Лыжню!» его обогнал одноклассник Витька Васильев.

– Что встал столбом? – недовольно закричал отец, и семиклассник Сашка Петров ринулся догонять своего постоянного соперника.

«Какой отличный сон!» – думал он, с ходу штурмуя очередной крутой подъем и обходя сразу десяток лыжников.

За спуском следовал знакомый поворот, и тут Сашка сразу понял, что ему снится трасса у стадиона «Динамо», где он когда-то, сорок пять лет назад, получил свой первый юношеский разряд. Витькина спина маячила метрах в десяти впереди, и Саша прибавил ход, надеясь прервать традицию оставаться вечно вторым в давнем соревновании. Между тем в ногах нарастала слабость, они становились ватными и непослушными. Лес закончился, метрах в трехстах впереди показались деревянные трибуны стадиона, где должен быть финиш.

– Сейчас ты устроишь спурт, – приказал взрослый Александр Петрович своему мальчишескому телу. Но тело прибавить не могло. Единственно, что удалось сделать – почти догнать Васильева у финишной черты и рядом с ним рухнуть на снег. Набившийся в рот холодный снег заставил по-новому взглянуть на окружающее.

«Так это, похоже, не сон?» – засомневался тренер. И тут в его сознании молнией проскочили последние мгновения его жизни до момента попадания на лыжню. «Значит, меня убили и я снова мальчишка», – с какой-то отстраненностью подумал он.

– Ну чо, Пеша, как я тебя сделал? – раздался ехидный, задыхающийся шепот лежащего рядом Витьки.

– Это в последний раз, – сказал Сашка и поднялся. Отряхнувшись, он отстегнул крепления и, пристально оглядев знакомые лыжи «Сортавала», направился к отцу, оживленно обсуждающему с коллегами сегодняшние старты. Озадаченный Витька посмотрел ему вслед, удивляясь спокойствию своего конкурента и отсутствию у того злых слез от очередной неудачи.

Случившееся событие никак не укладывалось в голове старого тренера, однако возраст и фатализм, свойственный пожилым людям, не давали ему сорваться в истерику.

«Еще успею все обдумать, – успокаивал он себя. – Это же надо! Я попал в свое детство! Что же теперь будет?»

Понемногу его начала охватывать эйфория, лицо расплылось в улыбке.

«Только бы ничего не исчезло! – взмолился он всем богам сразу. – Неужели я смогу прожить еще одну жизнь?»

Отсутствие рвущих болей в тазобедренном суставе и необычайная яркость восприятия казались невероятным благом. Радостные мысли были прерваны раздраженным голосом отца:

– Сашка, ты что сегодня учудил? Зачем остановился, целую минуту потерял, ведь мог в десятку попасть.

Александр Петрович молчал, уставившись в знакомое лицо. Удивительное дело! Он, человек шестидесяти лет, глядя на своего тридцативосьмилетнего отца, судорожно боролся с желанием броситься ему на шею и восторженно заорать: «Папка! Ты живой! Здравствуй, как я рад тебя видеть!»

Но он, конечно, не заорал, мозг пожилого человека лихорадочно просчитывал линию поведения, чтобы не ляпнуть лишнего и не привлечь к себе ненужное внимание.

– Сам не понимаю, – смущенно ответил он на вопрос отца. – Ты что-то крикнул, я не разобрал и остановился, подумал, что-то важное.

Пара тренеров, стоявших рядом с батей, засмеялись.

– Ну, Саньч, надо было тебе громче кричать, – сквозь смех сказал один из них. – Парень у тебя глуховат, оказывается.

– Никакой он не глухой! – возмутился отец. – Не понимаю, что на него нашло сегодня. Ладно, Саша, езжай домой, маме передай, что я немного задержусь.

После этого он вновь углубился в беседу с коллегами, не обращая на сына внимания.

Александр Петрович понятливо ухмыльнулся про себя: «Все с вами ясно. Наверняка у Богданова, как обычно, бутылка в рюкзаке. То-то батя меня спрашивает, боится, что маме все расскажу».

При мысли о матери его опять переклинило.

«Неужели я ее скоро увижу», – думал он, уставившись в никуда.

– Да что с тобой творится сегодня? – возмутился отец. – Опять в облаках витаешь? Быстро на лыжи и дуй до дому!

Сашка всунул носки лыжных ботинок в рэтэфеловские крепления, закрепил дужки петушками и двинулся в путь. Соревнования закончились, и сейчас в сторону города по лыжне, не торопясь, двигались сотни людей. Удивительное дело, если несколько минут назад во время гонки он не чувствовал веса лыж, то сейчас неуклюжие лыжи Сортавальской фабрики раздражали своей тяжестью.

«Надо у отца “Эстонию” или, на худой конец, “Карелию” выклянчить, все лучше, чем эти доски, – проскочила в голове неожиданная мысль. – Хотя не даст он ни фиги, скажет, вначале первый разряд выполни».

Александр Петрович вздохнул, вспомнив пластик, которого ему не видать еще лет восемь.

«Ну, дурак... надо решать, как дальше жить и что делать, а я о лыжах размечтался», – спохватился он, вспомнив о случившемся. Во время этих размышлений ноги сами несли его в сторону дома по лыжне, отмеченной желтыми флажками из крашеной стружки.

Тело, после «пятерки» остававшееся непослушным, быстро возвращалось к нормальному состоянию. Ускорившись, он начал обгонять лыжников, идущих прогулочным шагом. Те дорогу не уступали, поэтому их приходилось обгонять по снежной целине. К счастью, через пару километров пришлось съехать с лыжни и дальше пешком добираться до дома. Знакомой дорогой он неторопливо шел, разглядывая деревянные одноэтажные дома городской окраины. Вскоре показался их трехэтажный дом, великаном возвышающийся среди них.

Автоматически отметив отсутствие рядом новых высоток, Саша зашел в подъезд. Поздоровавшись с соседом, бегом поднялся на третий этаж и, чувствуя, как бешено бьется сердце, нажал трясущейся рукой кнопку звонка.

Послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, на Сашку с улыбкой глядела мама. В первый момент он ее не узнал, в его памяти она осталась невысокой седой старушкой, а сейчас он перед собой видел молодую темноволосую девушку, притом очень красивую. Мама, видимо, стряпала перед его приходом, ее руки были в муке. Она вытирала их полотенцем и вопросительно смотрела на него.

– Мама? – неожиданно пересохшим ртом промямлил Сашка. – Я тебя так люблю. Как здорово, что ты у меня есть!

Он поставил лыжи в угол и обнял её за плечи. Та в недоумении смотрела на него. Внезапно в маминых глазах зажглось понимание.

– Саша, признавайся, что натворил в этот раз, вчера дневник не показал, опять кучу двоек принес? – негромко сказала она и высвободилась из его объятий.

Александр Петрович был без понятия, какие оценки у него в дневнике и в тетрадках, поэтому начал уверять маму, что завел этот разговор не из-за своих проступков.

Несмотря на то что от сегодняшнего времени его отделяло сорок четыре года, руки в это время без проблем нашли нужную вешалку для одежды.

– Ну, хватит оправдываться, – нетерпеливо сказала мама. – Переодевайся и садись за стол. После соревнований наверняка есть хочется.

Сашка кивнул головой и, повесив лыжи с палками на гвоздь в прихожей, прошел в свою комнату. Ничего нового он там не увидел. В небольшой комнатке слева у стены стояла его кровать, застеленная покрывалом, рядом разместился стул с висевшей на нем домашней одеждой. На старом письменном столе царил беспорядок. Тетрадки, учебники лежали вперемежку с самодельными платами, радиодетальями и паяльником. Тут же оказался и журнал «Юный техник», раскрытый на схеме транзисторного приемника. Под столом сиротливо валялся портфель.

Саша подошел к книжным полкам, висевшим на стене у стола, и стал рассматривать книги. Стопка потрепанных журналов «Искатель» лежала там, где он помнил. Два десятка книжек фантастики вперемежку с учебниками стояли рядом. На первой полке расположился десяти томник детской энциклопедии, первые тома которого были потрепаны не менее, чем журналы. У правой стены стоял большой аквариум с шустро плавающими в нем рыбками.

Отчего-то радостный подъем, с которым Александр Петрович направлялся домой, резко оборвался. Саша сел на кровать и задумался. Однако долго думать не получилось, Мама, войдя в комнату, с возмущением воскликнула:

– Ты чего расселся? Быстро переодевайся, вымой руки и садись за стол. И помни, твои покатушки от уборки квартиры не освобождают. Так что после обеда полчаса отдохнешь, потом начнешь мыть полы. И уроки на завтра не забудь сделать. А то как вчера портфель за стол закинул, так к нему и не прикасался. Да, папа не говорил, когда его ждать?

– Сказал, задержится, – буркнул Саша и принялся переодеваться. Его настроение продолжало резко ухудшаться.

«Вот чему я так обрадовался? – думал он в это время. – Еще три года придется в школе учиться, я же с ума там сойду. О чем мне с детьми разговаривать? Да и учителя все младше меня в два раза. И ведь не объяснишь никому! Вмиг в дурку укатают».

От прихлынувшей злости он заскрипел зубами. За обедом, однако, ему стало легче, наверное, в большей степени это объяснялось пельменями домашней лепки, таких он не пробовал лет двадцать и сейчас уплетал их так, что за ушами трещало. После обеда накатила сонливость. Но он мужественно боролся с ней, зная, что вскоре ему вручат тряпку и ведро.

Через два часа после этого квартира блестела вымытыми полами. Мама озадаченно ходила по комнатам, не зная, к чему придраться. Плинтуса сверкали, отмытые от пыли. Из-под шкафа был тщательно выгребен весь мусор. Под кроватями не осталось ни малейшего пыльного следа. Унитаз в туалете блестел, как новый.

– Господи! Саша! Что с тобой случилось? – как в трансе, повторяла мама, не веря своим глазам.

«Что случилось, что случилось, – мысленно усмехнулся сын, проживший почти в два раза больше лет, чем мама. – Двадцать лет поживешь один, и не тому научишься».

В это время в прихожей закрипела дверь, и загремели лыжи, упавшие с гвоздя.

– Петя, не ломай там ничего! – закричала мама. – Твой сын в кои веки-то уборку сделал как надо, так хоть ты не мусори.

– Я не мусорю, просто лыжи свалились, – раздался голос отца.

Услышав его, мама нахмурилась.

– Петюня, дорогой, ты, случайно, не выпил? – с подозрением спросила она.

– Что ты, родная. Как можно? Мы с тезкой, Петром Федоровичем, чисто символически, по рюмочке коньячка тяпнули, и по домам.

С этими словами из-за дверей появился Петр Александрович и сразу полез с объятьями к жене.

Та недовольно оттолкнула его.

– Петя, ну сколько можно говорить, – устало сказала она. Муж глазами показал в сторону сына, и Клавдия Васильевна замолчала.

Молчала она недолго.

– Саша, марш в комнату, делать уроки, – железным голосом скомандовала она. – А мы с папой поговорим.

Саше по-мужски стало жалко отца. Сам он был давно разведен и мог алкоголизироваться в любое желаемое время. Правда, этим обстоятельством не

злоупотреблял, собственно, как и общением с женщинами. После второго развода и раздела имущества он стал очень осторожен и старался в отношениях с противоположным полом не допускать особой близости.

Он печально вздохнул, понимая, что алкоголь и женщины для него временно недоступны, и отправился к себе. На письменном столе сейчас царил порядок, не бывавший здесь до сегодняшнего дня. Недаром мама даже не нашла слов, увидев комнату после уборки.

Саша достал портфель и вытащил дневник. Открыв его, увидел несколько двоек, ярко выделявшихся красным цветом среди фиолетовых чернил.

Внизу таким же красным цветом было написано сообщение для родителей: «Пищал на уроке пения».

Саша негромко засмеялся. Он вдруг вспомнил, как это было.

Посочувствовав учительнице, прочитал домашнее задание, написанное корявым почерком. Настроение вновь стало портиться.

«Может, это мне все только кажется? – с надеждой подумал он. – лягу спать, и проснусь опять в своем времени и возрасте?»

За окном быстро темнело. Александр Петрович глянул в него, нахмурился и открыл учебник математики.

К его удивлению, в учебнике все было понятно. Прочитанное сразу укладывалось в голову, и повторного чтения не требовалось. Настроение тренера резко скакнуло вверх.

«Хм, если так дело дальше пойдет, то учиться будет не так уж тяжело, как я рассчитывал, – решил он. – Английский и так знаю лучше учителей, зря, что ли, десять лет в Штатах оттарабанил, а остальные предметы подтяну. Странно, до этого момента голова так не работала. Наверняка перенос сознания подействовал».

Он прекрасно помнил, что до восьмого класса учился так себе. И лишь в десятом классе начал лихорадочно наверстывать упущенное. И все равно не смог поступить даже на физкультурное отделение пединститута, куда по определению брали самых тупых спортсменов. Он к тому времени был кандидат в мастера спорта по лыжным гонкам и рассчитывал, что без труда станет студентом физвуза. Но не сложилось. Сразу после неудачной попытки его призвали в армию.

Военком бегал вокруг него кругами, предвкушая, что перспективного спортсмена направит своему приятелю, в спортроту, но и здесь не сложилось. В те времена Саню Петрова было легко уговорить на выпивку. Поэтому пьянка в воинском эшелоне и последовавшая за ней драка, где молодой лыжник четко нокаутировал прапорщика и сержанта, имели тяжкие последствия в виде отправки на Новую Землю.

– Белых медведе?й там будешь нокаутировать, – злорадно сообщил помятый прапор, сверкая фонарем под левым глазом.

– Отлично, – воскликнул капитан Серегин, читая личное дело прибывшего первым парходом призывника Петрова. – Лыжники нам нужны позарез. Представляешь? – обратился он к Сашке. – Такая хрень происходит, последние призывы у нас в основном южане. На лыжах ни один не стоит. Так что быть тебе, боец, инструктором по передвижению на лыжах.

Тут лицо капитана постrojело. Видимо, в этот момент он дочитал до драки в эшелоне.

– Я гляжу, ты, оказывается, еще подраться и выпить не дурак? – задумчиво произнес он. – Повезло тебе, парень, что в поезде был только призывником. Предупреждаю, после того, как примешь присягу, так просто не отделаешься, за драку со старшим по званию запросто в дисбат загремишь.

Саша оторвался от воспоминаний, вздохнув, разложил тетрадку и начал записывать условия алгебраической задачи.

Решил он ее за несколько секунд, мимолетно удивившись откуда-то взявшемуся таланту. Пробежав глазами несколько параграфов в учебнике истории,

обнаружил, что запомнил все до последней буквы. После этого, сложив учебники и тетради в портфель, вышел в коридор, где вытащил из газетницы толстую пачку газет.

Вернувшись в комнату, улегся на кровать и принялся за чтение. Еще читая дневник, Саша обнаружил, что сегодня двадцатое декабря 1964 года. До Нового, 1965, года осталось всего десять дней. Как он не терзал свою память, но чего-либо конкретного про это время припомнить не мог. Поэтому и залег сейчас с газетами в надежде узнать, что творится в стране и мире.

Однако газеты, на удивление, оказались малоинформативны. Сознание, привыкшее к обилию информации, с трудом воспринимало казенный стиль передовиц и лозунгов, вызывающих немалое раздражение. Поэтому, прочитав пару выпусков «Правды», он переключился на «Советский спорт». Естественно, там тоже не обошлось без лозунгов и прочего, но в основном газета была посвящена именно спорту и читалась легко. Неожиданно для себя, Саша увлекся чтением, тем более что в последних номерах публиковались несколько статей о подготовке лыжников и их питании. С высоты своих знаний и опыта, Саша без труда находил изъяны в рассуждениях опытных специалистов. На одном, особенно глупом, абзаце он не удержался от смеха.

Заглянувший в комнату батя с удивлением уставился на сына, читающего газету.

- Клава! - крикнул жене. - Представляешь, Сашка «Советский спорт» читает и ржет, как лошадь. Чего там смешного-то нашел? - обратился он уже к сыну.

- Да так, ничего интересного, статья, к примеру, о кислородных коктейлях.

- Ерунда все эти коктейли, - охотно вступил в беседу отец. - Запомни, сын, лучше куска жареного мяса ничего нет, ну в крайнем случае куска докторской колбасы.

Саша фыркнул, стараясь подавить смех.

«А ведь это говорит мой отец, знающий, опытный тренер, - подумал он. - И так сейчас считает большинство».

Вскоре отец, забрав газету с обсужденной статьей, ушел в большую комнату.

– Что-то я проглядел эту публикацию, – кратко объяснил он свои действия. – Вечерком читаю.

Саша мысленно улыбнулся. Он прекрасно помнил, как отец читал статьи по специальности. Хватало его минут на двадцать, после этого времени из кровати доносился громкий храп.

Оставшись один, старик в мальчишеском теле отложил газеты в сторону, улегся на кровать и, заложив руки за голову, принялся бесцельно разглядывать побеленный потолок. Отрешившись от окружающего, начал строить планы новой жизни.

«Может, не стоит дергаться, – думал он. – Ну, его... этот институт, снова тренерская работа, надоело! Лучше закончу десять классов. В ДОСААФе получу специальность водителя, устроюсь на работу таксистом и буду жить себе спокойно до перестройки. Хотя до нее еще надо дожить.

А может, пойти в торговый или кулинарный техникум? Устроюсь потом поваром в ресторан, через несколько лет начнутся проблемы с продуктами, а я буду как сыр в масле кататься. И блат будет железобетонный».

Перебрав таким образом несколько вариантов своего будущего, Александр переключился на более реальные вещи.

«Так, от школы отбодаться в любом случае не получится, хотя если работать водителем, то на хрен мне десятилетка? Год в восьмом классе отмучаюсь и в профтехучилище пойду. Там и десятилетку закончу, и специальность нужную получу. О! За „Трудовые резервы“ буду выступать. В тот раз родители уговорили в девятый класс идти. Сейчас это дело у них не пройдет... Интересно, а куда исчезло мое мальчишеское сознание? Вроде я в голове сейчас один», – неожиданно задумался он.

Немного поразмышляв на эту тему, Александр Петрович оставил этот вопрос на будущее, как не особо значимый. Самым значимым вопросом на завтрашний понедельник была школа.

Он не особо хорошо помнил прошлое. В памяти оставались наиболее запомнившиеся моменты школьной жизни. И седьмой класс был самой большой проблемой этой жизни. Как ни странно, виноват в Сашкиных несчастьях был его отец. Петр Александрович работал директором спортивной школы, но из-за небольшой зарплаты был вынужден вести несколько детских групп лыжников. И на беду своего сына вел он их в его школе. Мужчина он был принципиальный, поэтому когда видел курящих за углом пацанов, то разгонял их не только добрым словом, но и тем, что было в руках, типа лыжных палок или насоса для велосипеда.

Пострадавшие от рук отца сверстники отыгрывались на Сашке. Поэтому он в седьмом классе дрался практически каждый день. О драках дома он не говорил, но скрывать их не удавалось из-за синяков и царапин. Мама охала и ахала, замазывала царапины йодом, а синяки – бодягой. Отец интересовался лишь одним, кто оказался победителем. Но так как драться один на один получалось редко, хвастаться Сашке чаще всего было нечем.

Зато сейчас он с восторгом думал о завтрашнем дне и предвкушал, каких п...лей получат его противники, если задумают очередное нападение.

Периодически он стыдил сам себя, напоминая, что не к лицу пожилому человеку такие мысли. Но ничего с собой поделаться не мог, снова и снова планируя завтрашние разборки.

«Всю жизнь мечтал Филимонова отпинать, завтра с него и начну», – злорадствовал он.

На улице уже стемнело. Родители сидели у телевизора, слушая новости, Саше смотреть его не хотелось, он привык за последние годы вечерами сидеть в сети, общаясь с коллегами, или читать что-нибудь новое из фантастики. Сейчас же ничего этого не было, и настроение опустилось до плинтуса.

От нечего делать он перебрал все содержимое ящиков письменного стола и приговорил большую часть хлама к мусорному ведру. Радиодетали сложил отдельно, с целью продать их в ближайшее время. Пясть приемники он не собирался.

В девять вечера он пожелал родителям спокойной ночи и завалился спать.

Глава вторая

Утром Александр Петрович проснулся в отличном настроении.

«Приснится же всякая ересь, – подумал он. – Зато спалось отлично, даже в туалет не вставал. И нога сегодня не болит».

Он повернулся и, увидев освещенный аквариум с плавающими в нем рыбками, резко вскочил с кровати.

«Блин! Так это все на самом деле произошло, я живу вторую жизнь!» – сообразил он и, тяжело вздохнув, начал надевать спортивную форму.

– Ты куда? – встревожилась мама, увидев, что сын идет на улицу в половине седьмого утра.

– На зарядку, – коротко ответил Саша и закрыл за собой дверь. Ритм жизни, сложившийся за долгие годы, давал себя знать.

Через час, румяный от мороза, он прибежал домой и сразу отправился в душ. Выйдя оттуда, обнаружил, что у дверей топчется отец с электробритвой в руках.

– Что это, Санек, на тебя нашло? – улыбаясь, спросил тот. – Решил моему совету последовать?

– Ну, да, – ответил Саша. – Хочу в эту зиму первый взрослый разряд выполнить, так что надо работать над собой.

– Лучше бы ты учебу подтянул, – с упреком сообщила мама, слушавшая их беседу из кухни. – Три двойки на прошлой неделе в дневнике принес.

– Ах ты сучок! – воскликнул нахмурившийся батя и выдал сыну увесистый подзатыльник.

– Петя! Немедленно перестань бить ребенка, – закричала мама. – У тебя других методов воспитания больше нет?

– Да ладно вам, – буркнул Саша. – Не ссорьтесь, не буду я больше двоек получать.

Родители удивленно переглянулись, таких слов они от сына не ожидали.

– Посмотрим, – сообщила мама. – Ты уже сто раз обещал хорошо учиться, только вот никак не начнешь.

После завтрака Саша, взяв портфель, отправился в школу. На удивление мандраж отсутствовал, видимо переволновался он за этот день еще вчера.

– Пеша, привет! – раздался голос его приятеля Сереги Егорова, вышедшего из переулка.

– Здорово, Серый, – ответил Саша и, сдернув варежку, подал руку товарищу. Сережка, помедлив секунду, также снял рукавицу, и они пожали руки друг другу. Надо сказать, что Егоров был настоящим «ботаником», только такого определения для трусоватых заучек еще не существовало.

«Вот первым и пушу его в ход», – с усмешкой подумал Сашка.

– Ты чо лыбишься? – отреагировал на эту усмешку Сергей.

– Да так, вспомнил кое-что, – неопределенно ответил Саша и молча продолжил путь. Зато Серый не молчал, он увлеченно рассказывал о том, как вчера делал фотографии.

У него единственного в классе имелся фотоаппарат «Смена». Делая фотографии одноклассникам, он пытался поднять свой авторитет.

В первой своей жизни Саше было немного жаль безобидного очкарика, он несколько раз заступался за него, однако сейчас он знал будущее. В нем Егоров оказался не очень порядочным человеком, поэтому Саша сейчас не горел желанием болтать с соседом по парте.

Шум в вестибюле оказался жутким. Младшеклассники сновали между ногами, как муравьи. Морщась, Саша разделся на привычной вешалке и направился в кабинет математики.

– Эй, Пеша! погоди! – раздался сзади ненавистный голос Сережки Филимонова. – Я курну в туалете, а ты... быстро отнес мой портфель в кабинет и кинул на парту.

Егоров, идущий рядом, испуганно втянул голову в плечи и ускорил шаг.

С нарастающим возбуждением Саша обернулся и лениво процедил:

– А ты ничего не попутал, Филя? Может, ты мой портфель хотел отнести?

С этими словами он ударил противника в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, резко добавил ему в скулу. Скрючившись, Филимонов упал на холодный, мокрый пол, а Саша, под взглядами потрясенных очевидцев, проследовал дальше.

– Ну все, Сашка, тебе кранты, – тихо сказал побелевший Егоров. – После уроков тебя отметелят. Филя кодлу соберет, один к тебе не полезет.

– Как соберет, так и разберет, – ответил Саша. – Не ссы, Серый, прорвемся.

Когда они зашли в кабинет, взгляды всех одноклассников скрестились на нем. В одиннадцатой школе, где учились дети с городской окраины, дня не проходило без драк. Дрались мальчишки от первых классов до десятых. Все хулиганы были известны и почитаемы. Но сегодня утром случилось удивительное событие, один такой хулиган был прилюдно избит ничем не выдающимся мальчишкой. И сейчас все ждали, что будет дальше.

До начала урока оставалось еще минут десять, когда в класс зашел Филимонов. Было видно, что он только что умывался. Рослый для седьмого класса, крепкий темноволосый парень молча прошел на свое место, а через минуту на Сашину парту упала записка.

Она гласила: «Тебе п...ц!»

Сашка засмеялся и, глянув на часы, висящие над дверями, встал и направился к Филимонову.

- Ты чем-то недоволен? - громко спросил он того.

- Ты, Пеша, много на себя берешь, - начал говорить Филимонов и заткнулся от короткого удара в челюсть. Голова его дернулась, и он слегка поплыл.

- Еще хочешь? - дружелюбно спросил Сашка и симитировал удар. Сережка вздрогнул и заслонился руками.

- Не хочешь, - спокойно констатировал Сашка. - Так что сиди, не вякай, а то пушистый северный зверек посетит тебя первым.

После этих слов он уселся за парту, сопровождаемый расфокусированным взглядом Филимонова и потрясенными взглядами одноклассников. В кабинете наступила гробовая тишина.

«Всю жизнь мечтал об этом, - разочарованно думал Александр Петрович. - А когда желание сбылось, оказалось, что особой радости в нем нет. Какой интерес бить напуганного, неумелого мальчишку? Ну, ладно, по крайней мере, ко мне больше никто цепляться не будет. Нет, вряд ли так сразу все успокоится. Скорее всего, придется еще пару-тройку человек проучить, и тогда уже от меня все отстанут окончательно».

- Ты о каком зверьке Филе говорил? - спросил Егоров, нарушив общее молчание.

Сашка на ухо прошептал ему название, и Сережка засмеялся. В этот момент в класс зашла учительница, и все встали, загрохотав крышками парт. Филимонов после первого урока куда-то исчез и больше в классе не появлялся. К третьему уроку Александру Петровичу казалось, что он уже сто лет учится в седьмом классе. Он мечтал только об одном - когда кончится этот тягучий день.

На большой перемене к нему подошла Ирка Серова, председатель совета отряда, и начала нудеть.

– Петров, ты сегодня себя вел ужасно. Избил Сережу Филимонова на глазах у всех. Как тебе не стыдно! Настоящие пионеры таких поступков не совершают. Перед Новым годом будет очередной совет, и мы разберем твоё поведение. Через год нас будут принимать в комсомол, так что подумай, нужны ли нам такие хулиганы, как ты.

Александру Петровичу были глубоко безразличны как пионеры, так и комсомольцы, но на всякий случай он сделал скорбное лицо и сообщил, что раскаивается в своём поведении, но не обещает, что такое не повторится.

– Ира, ты же знаешь, что у меня не сложились отношения с некоторыми ребятами, – признался он. – Надеюсь, что в ближайшие дни решу эту проблему, и все будет хорошо. Кстати, ты сегодня отлично выглядишь! – добавил он, нахально оглядывая небольшую Иркину грудь, слегка выдающуюся под форменным платьем.

– Дурак! – ответила покрасневшая девочка, но Сашка прекрасно знал, что комплиментом она осталась довольна. В этом возрасте мало кто из мальчишек может вслух признаться, что ему нравится сверстница, так что у него в этом плане была полная свобода действий.

На этом их беседа завершилась. Ирке надо было срочно обдумать, с чего это Петров обратил внимание на её внешность, а заодно сообщить об этом подружкам.

Первый школьный день прошел достаточно благополучно. Саша удостоился добрых слов от учительницы истории за грамотный ответ, эта похвала вызвала в классе легкий гул недоумения. Петров, не выделявшийся в классе ничем, кроме успехов в спорте, смог удивить своих одноклассников второй раз за день.

Перед последним уроком к нему подошел озабоченный Витька Васильев.

– Пеша, я тут слышал, как Филя своих приятелей уговаривал тебя отпнуть. Может, тебе лучше задним ходом смыться? А то они втроем тебя уделают, – оглядываясь по сторонам, сообщил он.

Сашка улыбнулся.

– Не, Витёк, так не пойдет. Я каждый день от них бегать не собираюсь. Спасибо за предупреждение, – спокойно ответил он.

– Смотри, дело твое, – Витька пожал плечами и молча удалился.

«Эх, дети, дети, – мысленно вздохнул Александр. – Все с тобой, Витя, ясно и понятно. Попросили тебя, настойчиво, рассказать мне эту историю, в надежде, что я уйду через запасной выход. А там-то меня как раз и встретят желающие подраться. Нет уж, надо заканчивать быстрее эту бодягу. Пусть лучше меня считают безбашенным и боятся даже мимо пройти».

Когда зазвенел звонок с урока, все повскакивали с мест и, схватив сумки и портфели, понеслись на выход. В этой суете Саша обнаружил исчезновение соседа по парте. Нисколько данному факту не удивившись, он отправился в раздевалку. Однако на первом этаже его перехватил директор школы и пригласил зайти в кабинет.

– Хорошо, Леонид Сергеевич, – вежливо сказал мальчик и вслед за тем зашел в двери с табличкой «Директор школы».

Усевшись за стол, директор вперил взгляд в ученика. Однако тот стоял с безмятежным видом, как будто его вызывали к директору каждый день.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – нарушил молчание Леонид Сергеевич.

– Нет, – коротко ответил собеседник. – Кстати, вы не предложите мне присесть?

– Не дерзи! – закипел директор. – Если мы с твоим отцом хорошо знакомы, это не дает тебе права нахально себя вести.

– Простите, Леонид Сергеевич, я только спросил, если нельзя, так нельзя, – все так же спокойно ответил Саша. – Я могу и постоять, мне не трудно.

Вроде бы говорил он вежливо, вот только директору школы казалось, что семиклассник слегка подсмеивается над ним.

– Короче, объясни мне, что ты сегодня утром устроил в вестибюле?

– Ничего особенного, просто мы не сошлись во мнениях с Сережей Филимоновым по поводу цитат из Библии, – почти по Дюма ответил Саша.

Директор открыл рот и с минуту пытался что-то сказать. Затем он заорал:

– Вон из кабинета! И передай отцу, что я хочу его видеть! Шут гороховый!

– Кто шут гороховый – я или папа? – уже у дверей хихикнул Сашка. После чего выскочил из кабинета, ему показалось, что Леонид Сергеевич готов кидаться чернильницами.

Как ни странно, но у школьных ворот его никто не ждал. Видимо, его неожиданный вызов к директору встревожил недругов, и они предпочли перенести встречу на другой раз.

«М-да, а я уже настроился на драку, увы, не срослось», – разочарованно подумал Саша и быстрым шагом направился в сторону дома. Надо было успеть пообедать и собраться на тренировку.

Петр Александрович не тренировал сына. Он считал это непедагогичным. Поэтому Саша занимался у другого тренера. Константин Федорович Лукин не горел желанием тренировать сына своего руководителя, но выхода у него не было. Со своей стороны, Петр Александрович сообщил Саше, когда тот шел на первую тренировку:

– Если хоть раз на меня сошлешься или будешь нос задирать, ноги вырву и скажу, что так и было.

Саша, конечно, в такой исход не поверил, но тем не менее проникся и повода для вырывания ног не давал.

Когда он зашел в квартиру, на какой-то миг показалось, что вся его длинная жизнь была просто сном, а сейчас он проснулся и продолжает жить своей мальчишеской жизнью. Однако это мимолетное ощущение почти сразу исчезло. Уж очень реальны и яркие были его воспоминания о прожитых годах.

Дома, естественно, никого не было. Он разогрел обед и съел его автоматом, погруженный в свои мысли.

«Что меня на лыжах заклинило? – думал он раздраженно. – Пошел бы лучше в десятиборье, по крайней мере фехтовать бы научился. Или в биатлон».

Тем не менее через час сомнений он окончательно определился и, взяв лыжи, отправился на тренировку.

«Пока буду тренироваться, а там посмотрим, куда кривая вывезет», – думал он по дороге.

На месте сбора у последней остановки автобуса уже толпился народ. Мальчишки встретили Сашу приветственными возгласами. Очевидцы его сегодняшнего боя восторженно рассказывали остальным, как все происходило.

– Филя ему говорит: «...быстро взял портфель, понес в кабинет». А Саня ему тырс под дых, Филя согнулся, а Пеша ему тут хренак по роже, Филя отрубился и на пол упал.

Витька Васильев стоял немного в стороне, стараясь не встречаться взглядом с Петровым.

Саша поставил лыжи к стене остановки и приступил к их смазке. Перед уходом он реквизировал из отцовской заначки пару шведских мазей, найдя этому достойное обоснование.

«Батя мази на свои деньги покупает, а это семейный бюджет, следовательно, я тоже имею право их использовать. Надо сразу к хорошему привыкать, а то нашими мазями только лыжи смолить».

Тем не менее он прекрасно понимал, что его ждет по этому поводу серьезный разговор с отцом.

Глядя на Сашу, занятого делом, остальные ребята понемногу умилили эмоции и тоже занялись тем же самым. Через несколько минут появился и тренер.

По традиции все быстро построились, а Васильев как староста доложил о готовности к тренировке. Лукин первым делом отметил его успешное выступление. Тот занял пятое место во вчерашних соревнованиях. Потом он покритиковал Сашку за непонятную остановку, сделал замечания еще нескольким парням и затем сообщил, чем они будут заниматься сегодня.

Как всегда, после построения Константин Федорович встал на лыжи и без разговоров покатил по лыжне; его воспитанники последовали за ним. В зависимости от настроения Лукин мог катить в быстром темпе километров десять, а за ним, пытая от усердия, стараясь не отстать, следовали его ученики. Сегодня он был в неплохом настроении, поэтому остановился раньше, всего через пять километров.

Александр Петрович мысленно покритиковал Лукина за подобную разминку, но вслух благоразумно ничего не говорил. Двадцать человек быстро пробили лыжню – круг метров в пятьсот – и начали отрабатывать переменный лыжный ход.

И тут тренер сразу заметил, что у его подопечного резко изменилась техника бега.

– Петров, что это с тобой случилось, когда успел так шаги отработать? – спросил он в недоумении. – Что-то ты в этом раньше не блистал.

Парни, слышавшие этот разговор, засмеялись, а Васильев крикнул:

– У Пеши дыхалка слабая, так что ему все равно ничего не светит! Хоть какую технику освоит.

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг резко замолчал и искоса глянул на Сашку.

«Понятно, – подумал тот, – вспомнил сегодняшнее утро. По роже никто получать не хочет. И Витя тоже. Ладно, бог с ним, трогать не буду. В той жизни он погибнет года через три после окончания школы... Интересно, может быть, мое появление это изменит?»

Константин Федорович нахмурился.

– Разговорчики в строю! – рявкнул он. – Васильев, язык свой придержи. Лучше посмотри, как надо двухшажным переменным ходом идти. Петров, прокатись еще разик, а остальные пусть поглядят.

Саша прокатился по кругу перед своими товарищами, Лукин после этой пробежки отозвал его в сторону и негромко спросил:

– Саша, что происходит? Еще вчера на соревнованиях ты на одной силе выбегал. Честно скажу, техника у тебя была ни к черту не годна. Сегодня тебя не узнать. Может, с тобой батя дополнительно занимается?

Сашка мысленно усмехнулся.

«Если расскажу, все равно не поверишь», – подумал он. Вслух же он сказал, удивленно моргая глазами:

– Не знаю, вроде все как обычно делаю. А что, правда у меня хорошо получается?

– Правда, – буркнул Лукин, подозрительно оглядывая своего подопечного. – Продолжай в том же духе, и будет тебе счастье.

– Смотрите, как я могу! – неожиданно раздался голос Лешки Михейкова.

Саша глянул в его сторону и увидел, как невысокий парнишка из параллельного класса бежит коньковым ходом по снежной целине.

Еще несколько человек, глядя на него, попробовали пробежать таким же способом.

Тренер с усмешкой смотрел на расшалившихся детей. Он прекрасно знал, что в этом возрасте они нуждаются в разрядке, поэтому давал им несколько минут отдыха.

«Вот так вот, – резюмировал Сашка. – Коньковый ход изобрел Леха Михейков, а не всякие Сиитонены и Сваны. Жаль только, что об этом никто не узнает».

Он спросил у стоящего рядом тренера:

– Константин Федорович, как вы думаете, таким ходом можно будет бежать на соревнованиях?

Тот пожал плечами.

– Мы тоже мальчишками так развлекались. А на соревнованиях... Не знаю, вряд ли получится. Кто тебе такую лыжню будет пробивать? Там метра три нужно будет ширины, если не больше. Фантазии все это.

«Не фантазия это, совсем не фантазия, – думал Александр Петрович. – Как только на снегоходах начнут лыжню готовить, сразу коньковый ход станет реальным».

Дав парням немного отдохнуть, Лукин требовательно засвистел. Когда все собрались вокруг него в кружок, он объявил:

– Сейчас на время пробежим километр, посмотрим, кто сегодня будет победителем.

Он взял в руки секундомер и начал по очереди через тридцать секунд отправлять на старт своих учеников.

Зная их как облупленных, он ставил их так, чтобы самые сильные ушли на старт первыми. Сашу он выпустил третьим.

Когда тот прибежал к финишу, рядом с Лукиным стоял Васильев и ревниво заглядывал в секундомер.

По Витькиному расстроенному лицу Саша сразу все понял.

– Ну что же, – сказал Константин Федорович, когда последний лыжник пересек финишную черту. – Первый у нас сегодня Саша Петров. Васильев отстал на девять секунд. На сегодня тренировка закончена, все по домам.

Глава третья

В то время, когда Александр направлялся на тренировку, в вестибюле одиннадцатой школы собирались девочки из группы, занимавшейся у Петра Александровича.

Четыре года назад, когда демобилизованный майор Петров стал директором спортивной школы, он обнаружил, что в ней работают всего два тренера по лыжным гонкам – и оба мужчины. И они категорически отказываются заниматься с девчонками. Между тем районный отдел народного образования требовал равного соотношения полов в набираемых группах. Пришлось новоиспеченному директору взять спортсменов на себя. К счастью, в гимнастике и легкой атлетике у него таких проблем не возникло, а то пришлось бы заниматься с девочками и этими видами спорта.

Он набирал девчонок в группу лыжниц из вторых – четвертых классов. Первое время малышки смотрели на своего тренера с опасливой осторожностью. Однако за прошедшие годы он не дал им повода разочароваться в себе, наоборот, мужественность и харизма бывшего офицера, успевшего повоевать, били ключом, вкуче с обаятельностью, и девичья настороженность начала переходить в обожание.

Пока его обожали пятиклассницы, Петр Александрович чувствовал себя вполне уверенно. Но время шло, девочки выросли, и обожание девятиклассниц и десятиклассниц уже напрягало. Приходилось отказываться от некоторых вещей. Есть большая разница в том, чтобы погладить по голове сопливую девчушку, а не созревающую девицу, или, более того, слегка шлепнуть ее по попке.

Петр Александрович прекрасно знал, что в определенном возрасте у детей и подростков авторитет тренера намного выше родительского, поэтому старался быть осторожным в высказываниях и тем более в делах.

Однако с взрослеющими нимфетками вести себя рассудительно становилось с каждым днем труднее. Они пользовались любым случаем, чтобы испытывать на тренере свои чары, ведь сверстники в этом соревновании по сравнению с ним были лузерами.

А тренер просто не понимал, как с этим справляться. С 1944 года, когда его, восемнадцатилетнего юнца, призвали в армию, он постоянно находился в мужском коллективе. Потом, после войны, учился в военном вузе, где также не было девушек. Каким-то чудом он ухитрился жениться на своей однокласснице и родить сына. До того как стать семьянином, его общение с женским полом ограничивалось редкими посещениями ресторанов, где он при удаче знакомился с официанткой.

Может, если бы Петр Александрович воспитывал дочку, ему было бы проще общаться со своими ученицами, но, увы, дочек в его семье не было.

В будущем, когда его воспитанницы станут немного старше, он не выдержит испытания красоты и молодости одной из них и уйдет из семьи, но до этого момента оставалось еще несколько лет.

Вот и сейчас он поймал себя на том, что с удовольствием растирает лыжи для хорошенькой ученицы, а та стоит рядом и умильно заглядывает ему в глаза.

«Петя, держи себя в руках!» – посоветовал он сам себе, стараясь не смотреть на округлую девичью попку, туго обтянутую спортивными брюками.

В этот момент спасительным кругом послужил голос директора школы:

– Петр Александрович, будьте добры, загляните ко мне на минутку. – Леонид Сергеевич, выглянув из-за двери кабинета, приглашающе махнул рукой.

Петров с облегчением, передав в руки девушке лыжную мазь, направился в кабинет директора.

– Присаживайся, товарищ майор, – предложил Леонид Сергеевич вошедшему тренеру.

– Что так официально, товарищ полковник? – сразу насторожился Петров.

Волей судьбы два офицера, еще недавно служившие в штабе Северного военного округа, снова работали практически в том же тандеме. В штабе майор Петров служил заместителем начальника физподготовки СВО, а полковник

Харитонов – замом по политической части.

Они служили бы дальше, если бы не желание Никиты Сергеевича Хрущева провести сокращение армии. Оба они, на свое счастье, окончили институт, что позволило им, в отличие от тысяч других офицеров, без проблем устроиться в системе народного образования.

В принципе, для них почти ничего не изменилось, Петров занимался той же физподготовкой, только не с солдатами и офицерами, а с детьми. А Харитонов преподавал теперь обществоведение и руководил женским педагогическим коллективом, то есть банкой с паучихами, а это гораздо сложнее, чем разъяснять политику партии и правительства солдатам, старшинам и офицерам.

– Послушай, Петр Александрович, мне кажется, что тебе надо серьезно поговорить с сыном, – сразу приступил к делу Леонид Сергеевич.

– А в чем проблемы? – нахмурился Петров.

– Сегодня твой отпрыск избил своего одноклассника, притом в вестибюле, при полном стечении народа.

– Да ты что? Seriously? – воскликнул довольным голосом Петр Александрович. Морщины на его лбу исчезли. – Мой Сашка избил одноклассника? Не может быть!

– Ты что думаешь, я вру? – оскорбился Харитонов. – Твой сынок избил Филимонова Сергея, а когда я его вызвал, вел себя отвратительно. Этот Филимонов сам не подарок, но так же нельзя. Ушли бы за школу, там бы и колотили друг дружку.

Однако Петр Александрович его не слушал. Подняв глаза к потолку, он шептал:

– Филимонов, Филимонов, ага, вспомнил! – Он вдруг вскочил со стула и несколько раз хлопнул себя по коленкам. – Ну, Сашкец, вот молодца! – воскликнул он в полном восторге. На его лице нарисовалась счастливая улыбка.

– Эй, майор, ты чего? – забеспокоился Леонид Сергеевич. – Чего в пляс пустился? Здоров ли хоть?

– Слушай, Леня, – проникновенно заговорил Петров. – Я этого дня три года ждал. Тоска на парня была смотреть, когда он в синяках домой приходил. Но влезать в мальчишеские дела нельзя, сам знаешь, он должен самостоятельно эти проблемы решать. Так что спасибо тебе за новость. Обрадовал по самое не могу. Надеюсь, он этому хмырю ничего не сломал?

– Не сломал, – сердито буркнул Харитонов. – Тем не менее прошу тебя восторги умерить и поругать сына за драку и неуважительный разговор с директором.

– Ну, и чего он тебе выдал? – все еще улыбаясь, спросил Петр Александрович.

– Понимаешь, я спросил, из-за чего у них весь сыр-бор начался, так твой пацаненок сказал, что, видите ли, у него с Филимоновым спор вышел по поводу цитат из Библии.

– Слушай, я где-то такое слышал, – задумался Петров.

– Чего тут думать, – в первый раз улыбнулся Харитонов. – Это Арамис говорил, когда объяснялся с мушкетерами по поводу причины дуэли, что, дескать, они с д'Артаньяном поспорили по поводу изречений святого Августина. Начитанный у тебя паренек, шутник, мать его. Но нотацию ты ему все же прочитай, все к пользе дела будет.

Петров кивнул головой и, попрощавшись, покинул кабинет.

Как ни странно, возвращавшийся домой с тренировки Саша тоже сейчас думал об отце. В прошлой жизни тот ушел из семьи, когда сына призвали в армию. Размышляя о том, можно ли изменить этот момент, Саша пришел к интересному выводу.

«А что тут думать, надо первым трахнуть Ленку Миронову, и все дела. А батя останется с носом. С его гордостью он на нее после этого не глянет».

Однако он понимал, что сделать это весьма затруднительно. Самое грустное, что он младше Ленки на два года. Красивая блондинка учится сейчас в девятом классе и про Сашку Петрова знает только одно, что он – сын тренера. Вокруг нее

табуном ходят десятиклассники, так что в ближайший год ему точно не светит привлечь внимание красивой девочки, ставшей через несколько лет призером в Лейк-Плэсиде, подружкой знаменитых лыжниц Раи Сметаниной и Галины Кулаковой.

«Ладно, – успокаивал он себя. – Впереди еще есть время, в следующем году я должен прилично вырасти, вроде и аппарат у меня именно тогда подрос капитально, значит, осенью следующего года займусь этим делом вплотную».

Тем не менее он сильно сомневался, что это ему удастся. Надо для начала чем-то выделиться из толпы. Единственный выход – стать хотя бы чемпионом города, а лучше республики, и сделать это в десятом классе, не позже. Женщины любят победителей. А тем более девушка, которая уже в следующем году сама получит звание мастера спорта.

«Вот еще один стимул тренироваться, да и не мешает подумать, если все получится, как отвертеться от женитьбы, папаня-то у нее мент, да еще и с отцом вась-вась», – подумал Саша, заходя домой. Чего-чего, а связывать себя в столь юном возрасте женитьбой не было никакого желания.

Мама еще не пришла с работы, в квартире было темно и тихо. Он включил свет, после уличного декабрьского сумрака показавшийся ослепительно ярким.

Сняв лыжный костюм, направился в ванную комнату. Пока мылся, домой пришла мама. Он понял это по грохоту сумок, кинутых в коридоре.

Когда вышел из ванной комнаты, та уже переоделась и стояла за кухонным столом.

– Тебе помочь? – спросил Саша.

Мама повернулась и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Сынок, что происходит, я тебя просто не узнаю? – спросила она с улыбкой. – Со вчерашнего дня сам на себя не похож. Никак понять не могу, в чем дело. Покажи дневник, может, за сегодняшний день опять двоек нахватал?

Саша достал дневник и подал ей. Брови на мамином лице взлетели вверх, когда она увидела жирную пятерку по истории и пятерку по английскому. Она вдруг села на табуретку и заплакала.

– Неужели за ум взялся? Лодырь ты мой! – между всхлипываниями говорила она.

– Так все-таки, чем помочь? – терпеливо повторил Саша.

Мать перестала плакать и, улыбнувшись, сказала:

– Почисти картошку для начала, а там посмотрим.

Вскоре она с недоумением наблюдала, как сын ловко, как будто делал это каждый день, подправил нож на бруске, затем из-под его рук начала выползать ажурная картофельная кожура, а почищенная картошка, одна за другой, падала в кастрюлю с водой.

– Займись чем-нибудь, – посоветовал Саша, продолжая порученное дело. – А я сварю картошку и сосиски поджарю с лучком.

– Может, уроки делать начнешь? – несмело спросила мама. – А я уж с ужином закончу.

Было странно слышать в ее голосе такую робость.

«Однако я маман заинтриговал, – подумал сын. – Что-то такой нерешительности у нее не припомню. Нас с отцом в ежовых рукавицах всю дорогу держала. Не исключено, что батя от этих рукавиц и дал деру. Ленка-то его ни в чем не ограничивала, пока сама любовника не нашла».

Понаблюдав еще несколько минут и удостоверившись, что сын вполне справляется, мама ушла к себе и, что-то напевая, принялась за штопку носков.

Отец ввалился домой в хорошем настроении, тоже с песнями. Пропев слова «эх, тачанка, ростовчанка», принялся раздеваться. Раздевшись, он зашел в кухню и воскликнул:

– Лучком пахнет! Что там у нас сегодня на ужин?

– Иди мойся! – скомандовала мама. – Нечего грязными руками по кастрюлям шарить. Сегодня сын ужин готовил, так что у него все и спрашивай.

Петр Александрович с удивленной физиономией молча проследовал в ванную комнату.

Сашину стряпню съели очень быстро. А отец даже протер сковородку куском хлеба.

– Для первого раза неплохо, – одобрительно сказал он.

«Еще бы! Сосиски сейчас из мяса делаются, – подумал Саша, – поэтому и вкусно».

За чаем мама, улыбаясь, сообщила мужу:

– Петя, ты представляешь, Саша сегодня две пятерки принес, по английскому языку и истории.

Глаза Петра Александровича полезли из орбит. Он фыркнул и чуть не подавился кексом. Прокашлявшись после того, как его похлопали по спине, он пробурчал:

– Смотрю, сегодня день сюрпризов.

Он внимательно посмотрел на Сашу.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

К его удивлению, сын не задержался, спокойно глядя на него, сообщил:

– Вообще-то Леонид Сергеевич хотел с тобой поговорить. Я думал тебе после ужина сказать, но вижу, ты уже в курсе, наверняка вы уже пообщались?

От того, что Саша ответил так по-взрослому, Петр Александрович растерялся и даже не знал, что дальше говорить. Инициативу перехватила жена, сразу набросившаяся с упреками на сына.

– Так вот ты чего сегодня такой ласковый, ужин приготовил, вокруг меня вился, как змий. Быстро выкладывай, что опять натворил!

Тот глянул на отца. Петр Александрович отрицательно покачал головой. Клавдия Васильевна не заметила этого сговора и продолжала наседать.

– Да ерунда, – махнув рукой, ответил он. – Всего-навсего вторую обувь сегодня не взял. Там таких, как я, человек десять не пропускали.

– Из-за этого родителей к директору не вызывают, – недоверчиво сказала мама.

– Так и не вызывали, – подтвердил Сашка. – Просто на шум вышел директор, меня увидел и попросил передать, чтобы папа к нему зашел.

– А что, телефона у нас дома нет? – не сдавалась мама.

– Ну, я не знаю, чего ему в голову взбрело, – сообщил Саша и встал из-за стола. – Спасибо за ужин, пойду делать уроки.

– Чего тебя Харитонов искал? – тихо прошипела Клавдия Васильевна. – Небось, опять баб своих обсуждали. Смотри, Петров, доиграешься! Я видела, как ты на своих прошмандовок поглядываешь. А уж как они на тебя смотрят – роман можно писать! Сослуживец твой – кобель известный, даром что замполит! Как в школе работает, не понимаю? Всех баб от завуча до сторожихи, наверное, опробовал. Кончится мое терпение, сама в РОНО пойду, пусть там узнают, как коммунисты женам изменяют.

– Ну что ты несешь! – разбушевался муж. – От ревности совсем крыша съехала!

У Клавдии Васильевны крыша никуда не ехала, просто она начинала своим женским нюхом чувствовать, что муж отдаляется от нее и близится день, когда он может уйти из семьи. Работая главным врачом детской поликлиники, она выслушала не одну такую историю, поэтому излишнее внимание Петра

Александровича к своим ученицам не одобряла, и ее беспокойство росло по мере их взросления.

К сожалению, она не знала о том, что ее сын тоже озабочен этой проблемой. И, скорее всего, она даже бы согласилась с методом ее решения. Пока же она ничего не могла придумать лучше, чем зарыдать.

Петр Александрович вскочил, охлопал себя по карманам и тут вспомнил, что он не курит уже год. Выматерившись про себя, он пошел в туалет, где за канализационным стояком у него была припрятана пачка «Памира». Вытащив пару сигарет, он вышел на лестничную клетку и закурил, стараясь, чтобы дым уносило в раскрытый чердачный люк.

– Довела ведь до трясушки, – беззлобно ругал он жену. – Такое настроение испоганила!

Саша в это время сидел над учебниками и тетрадками. Неведомая сила, перенесшая его в этот мир, дала ему отличную память, и сейчас он поглощал страницы учебника с небывалой скоростью.

Его сосредоточение было нарушено приходом Сашки Матвеева. Беловолосый крепыш из параллельного класса подружился с ним в прошлом году, когда они вместе начали паять транзисторные приемники. Ничего особого они пока не напаяли и не напаяют, поэтому Петров, зная будущее, решил завязать с этим делом.

Мама с недовольным лицом проводила позднего гостя в комнату сына и, сказав, чтобы долго не засиживались, ушла к телевизору.

– Ну ты дал шороху сегодня, – первым делом сказал Матвеев. – Я тебе давно говорил, что надо этих уродов отпинать. Жаль, меня не было, а то Филе я бы с удовольствием настучал по роже.

Он действительно мог это сделать и не раз предлагал свою помощь, но Петров гордо отказывался, не желая, чтобы про него говорили, что он прячется за чужую спину.

На этом тема драки была закрыта, и Матвеев решил ознакомиться с успехами приятеля. Однако Саше похвастаться было нечем.

– Знаешь, Мотя, недосуг все было, да и, честно говоря, не хочется мне больше этим делом заниматься, – откровенно признался он.

Матвеев удивленно смотрел на друга и никак не мог понять, как можно бросить такое интереснейшее дело, как радиотехника. Ему даже слегка взгрустнулось, но грусть моментально прошла, когда друг отдал ему пакет с радиодеталями.

Петров, совершив такой поступок, мысленно вспомнил себя в этом возрасте и подумал, что тогда он с такой легкостью ни за что не отдал бы все эти триоды, диоды, конденсаторы. Ведь купить в магазине это было практически невозможно. А сейчас ему было нисколько не жалко этого барахла.

Матвеев дрожащими руками перебирал драгоценности, лежащие в пакете. Ему доставать радиодетали было гораздо сложнее, чем Петрову, его семья жила от полочки до полочки, и лишних денег у них не было.

После этого беседа у них не пошла. Матвеев, боясь, что Сашка осознает свою потерю и потребует вернуть назад свое добро, стал прощаться. Петрову было смешно и грустно. Грустно, потому что разговор с другом был ему нисколько не интересен.

«Как дальше жить? – уныло думал он. – А ведь еще год в школе мучиться, да и в училище будет не лучше. Черт! Что же такого придумать?»

Однако в голову пока ничего не приходило.

Он проводил друга и, закрыв за ним дверь, пошел к родителям. Те в это время увлеченно смотрели концерт по телевидению.

– Бери стул, – тихо сказала мама. – Садись и не мешай, Тарапуньку со Штепселем показывают.

Сашка с тоской смотрел, как на черно-белом маленьком экране разговаривают два украинских комика. Притом один говорит на мове, а второй, который

Штепсель, на русском языке.

Понять, что там говорит Тарапунька, было почти невозможно, но видимо, что-то смешное, потому что зрители в зале, где они выступали, громко хохотали, как и родители сейчас. А Саше было не смешно.

Посидев минут пять, он поднялся и отправился к себе, прихватив с этажерки стопку журналов «Физкультура и спорт». Когда он вышел, отец с матерью переглянулись, Клавдия Васильевна вздохнула и сказала:

- Ничего не понимаю, что с парнем произошло. Со вчерашнего дня сам не свой ходит. Он там, на соревнованиях, не перенапрягся случайно? Ты видел, что он читать начал? Когда такое было? Раньше от своей фантастики отстать не мог. «Искатели» до дырок зачитал.

Петр Александрович нахмурился.

- Ты, мать, не дело говоришь! И на спорт не кивай. Парень не курит, тренируется, по вечерам в подъездах портвейн не пьет, чем ты недовольна?

Клавдия Васильевна понимала доводы мужа, но из чисто женской вредности не могла с ними согласиться. Однако следующим после хохлов выступал Аркадий Райкин, поэтому вечерней ссоры удалось избежать.

А Сашка в это время увлеченно чиркал карандашом схемы тренировок в журнале, мысленно разнося в пух и прах теоретиков лыжного спорта. Сейчас он сожалел только об одном – о своем возрасте, из-за которого его рекомендаций никто не будет слушать.

Глава четвертая

Потянулись тоскливые дни. Хождение в осточертевшую за неделю школу надоело чуть ли не до рвоты. К Петрову в классе уже никто не приставал и даже ни о чем не спрашивал. Хотя девочки в его сторону начали поглядывать с большим интересом, чем раньше. Сам он с нетерпением ждал зимних каникул,

чтобы отдохнуть от школьного шума.

Ребята, не понимая причин перемены в поведении мрачно глядящего на всех одноклассника, начали инстинктивно сторониться его. Зато в глазах учителей Саша поднялся на недосягаемую высоту. Он не бегал по партам, не приставал к девочкам. На уроках не болтал и внимательно слушал преподавателя.

В классном журнале напротив его фамилии двойки и тройки сменились пятерками. Короче, в канун Нового года в классе появился новый отличник.

Сам Петров тоже себя не узнавал. Переселение сознания в тело четырнадцатилетнего мальчишки принесло множество сюрпризов. И сейчас ему приходилось принимать значительные усилия, чтобы те не мешали жизни.

По воспоминаниям, в этом возрасте он уже начинал интересоваться девочками, по-ребячьи пытался флиртовать с ними и даже мог пощупать особо симпатичную подружку в раздевалке. Сейчас ему хотелось совсем другого, но, увы, сверстницы этого другого предоставить не могли, а десятиклассницы смотрели на Саню как на пустое место.

Из-за этого он возвращался домой в отвратительном настроении, а иногда с болями в промежности. И только интенсивные тренировки помогали держать себя в руках. А по ночам приходилось убирать скопившееся напряжение руками.

С тренировками также не все получалось. Константин Федорович первые два-три дня только посмеивался, глядя на внезапную старательность своего воспитанника. Однако через неделю он забеспокоился.

– Как бы пацан сердечко не запарол, – озадачился он. – Надо с Саньчем поговорить, может, это он парня напрягает. Хочет из него чемпиона слепить.

Однако Петр Александрович сам был удивлен, услышав слова тренера.

– Костя, поверь, я ему ничего не говорил. Ты думаешь, я потенциал сына не вижу? Увы, чемпионом ему не быть. Кондиции не те. Может, на нашем уровне до кандидата в мастера доберется, – в раздумьях сообщил он. – С другой стороны, хорошо, что парень старается, взрослеет, видимо. Ты его уж придержи чуток. А я

сегодня с ним сам потолкую.

Вечером отец зашел в комнату сына и в который раз удивился ее полному преобразению.

Стены, заклеенные еще неделю назад вырезками с изображением культуристов и прочим хламом, были освобождены от них. На письменном столе, за которым сейчас сидел Саша, не было ничего лишнего. По-армейски заправленная кровать с разглаженным покрывалом вызвала в душе профессионального военного ностальгические нотки.

Сын, увидев отца, закрыл журнал «Физкультура и спорт» и встал, вопросительно глядя на того.

– Пап, что случилось? – спросил он спокойно.

Отец ухмыльнулся.

«Хе-хе, парень-то взрослеет на глазах, еще на той неделе подскочил бы, как резиновый, от волнения. А сейчас, гляди-ка ты, спокойный, как мамонт», – подумал он.

– Чего уроки не делаем? – для начала строго спросил отец. Сын неожиданно улыбнулся.

– Действительно, что-то случилось, – сказал он. – Ты хоть помнишь, когда последний раз этим интересовался?

Для этого вопроса Сашке не надо было шарить в памяти мальчишки. Он сам прекрасно помнил, что батя по своей инициативе никогда не проверял, как сын готовится к занятиям. Этим занималась мама, добровольно тянувшая на себе эту ношу. Петр Александрович от этого дела самоустранился сразу, как сын пошел в школу.

– Ты что, Клава! Как я буду у него уроки проверять! – возмущался он. – Я же его ненароком пришибить могу за двойку. Потом плакать поздно будет. Так что Сашкина учеба полностью на тебе.

Клавдия Васильевна прониклась этими речами и больше не привлекала мужа к отслеживанию успеваемости сына.

- Не помню, - смущенно улыбаясь, сообщил отец. - Я хотел о другом поговорить.

- Давай, поговорим, - охотно согласился Саша, ему внезапно стало интересно, что такого хочет сказать ему родитель. - Присаживайся.

Он пересел на табурет, стоявший у аквариума, предоставив отцу стул у письменного стола.

Отец присел на него и машинально взял в руки перечирканный журнал. Разглядывая измаранные страницы, он начал говорить.

- Знаешь, Сашкец, мне Лукин рассказал, что у тебя трудолюбие разыгралось немеренно. Говорит, впечатление такое создается, будто ты тренерские советы ни во что не ставишь. Так не пойдет. Ты, салага, не понимаешь ничего, надорвешься по дурацки, что потом мы матери будем говорить? Нельзя в твоём возрасте так напрягаться.

Петров слушал размеренную отцовскую речь, отработанную годами практики, и мысленно улыбался.

«Ох, батя, отстаёте вы от жизни, - думал он. - Для тебя идеал - финский фермер, все лето работающий в поле, а зимой встающий на лыжи».

Закончились эти времена. Сейчас начнет побеждать тот, кто забудет, что такое межсезонье, и будет пахать постоянно, подводя себя к пику формы на главные соревнования. Притом с соответствующей медицинской поддержкой. То бишь допингом. А ты мне сказки рассказываешь про кусок докторской колбасы. Тьфу!

Вслух он этого, конечно, не сказал и продолжал внимательно слушать отца. Тот, однако, быстро закруглился и выжидательно поглядывал на сына.

- Понимаешь, папа, - начал говорить Саша, внимательно подбирая слова. - Я много думал, кем стать, и решил для начала попробовать себя в лыжных гонках.

- А до этого четыре года чем занимался? - усмехнулся батя.

- Ну, папа, перестань, ты сам знаешь, что несерьезно все это было. Я хорошо помню, как мама просила у тебя, чтобы меня взяли в группу, надеялась, что я там здоровье поправлю. А ты кричал, что толку с меня все равно не будет, пусть лучше учится крестиком вышивать, - сообщил в ответ сын.

- Кгхм! - смущенно кашлянул отец. - Ну, был такой разговор, не отрицаю, но с того времени многое изменилось, ты в последний год неплохо себя показал.

- В чем? - печально спросил Саша. - В том, что наконец начал наравне со всеми бегать. Нет, папа, чтобы выйти на союзный уровень, этого маловато будет.

- Ого! - воскликнул Петр Александрович. - Хочешь сразу всего и много.

- Ну, почему сразу, - спокойно возразил сын. - Далеко не сразу. Думаю, что уложусь лет в пять.

- Ишь ты! - оживился батя. - Расскажи, что за мысли в твоей голове бродят.

В этот вечер Клавдия Васильевна никак не могла уложить спать своих мужчин. Из комнаты сына доносился невнятный бубнеж, прерываемый смехом мужа, потом наступала тишина, вновь прерываемая разговорами. Ближе к двенадцати часам Петр Александрович все же добрался до кровати. Клавдия Васильевна уже засыпала, когда рука мужа привычно легла ей на грудь.

- Ну что, провел беседу? - сонно пробормотала она. - Что на вас, полуночников, нашло?

- Завтра расскажу, - буркнул муж, пристраиваясь удобней к теплему боку супруги.

Тридцатого декабря время в школе тянулось бесконечно.

На последнем уроке Наталья Юрьевна, их классная руководительница, раздала табели с оценками. В короткой речи она поздравила учеников с успешным

окончанием второй четверти и наступающим Новым годом. Особо она отметила успехи Александра Петрова, сумевшего всего за несколько дней достичь заметных успехов в учебе.

Одноклассники встретили эти слова равнодушным молчанием. Этим успехам они сами являлись свидетелями, все проходило на их глазах и сенсацией для них не было. Внезапное взросление Петрова и отдаление его от жизни класса ему простить не могли, поэтому объявили негласный бойкот.

«Да и хрен с вами, – думал Сашка. – Я все про вас знаю. Кто на ком женится, кто сопьется, кто когда помрет. Общаться с вами все равно что время терять. Если только с Ирккой Серовой загулять, помню, она ко мне в десятом классе неровно дышала. Только неизвестно, что из этого выйдет. Уболтать-то я её уболтаю, а вот дальше проблема на проблеме. Нет, на фиг нужно. Пока по ночам продолжу пользоваться правую руку, а дальше будем посмотреть».

Он негромко засмеялся, Наталья Юрьевна удивленно посмотрела на него, от этого взгляда Петров засмеялся сильнее.

«Знала бы она, о чем я сейчас думал», – он спрятал голову от учительницы за спиной сидящего впереди ученика.

После звонка расходиться ребята не торопились, все были в курсе, что завтра у них будет новогодний вечер. На школьные вечера старшеклассников седьмые классы не приглашали, но директор не возражал, если в дневное время по классам они устроят что-то вроде встречи Нового года. Вообще-то для учеников с первого по четвертый класс и с пятого по седьмой были отдельные вечера, но «гордые» семиклашки не желали общаться с «мелкотой» типа шестиклассников.

Поэтому завтра в кабинете домоводства, имевшем отдельный выход, в четыре часа у седьмого «б» класса планировался вечер встречи Нового, 1965, года.

Петров проталкивался через толпу галдящих одноклассников, когда перед ним появилась девичья фигура. Он остановился и, оглядев Ирку Серову с ног до головы, вежливо спросил:

– Чем обязан?

Ирка хихикнула.

– Саша, ты последнее время так странно говоришь, как будто в старики записался. Девочки тебя в пример мальчишкам ставят, те ругаются, как сапожники, а ты почти как Владислав Николаевич начал разговаривать.

«Ого, – мысленно воскликнул Петров, – меня уже с учителем литературы сравнивают. Хм, может, удастся Миронову и без чемпионства на кое-что уболтать».

– Ира, ближе к делу, – слегка раздраженно сказал он девушке. – Я тороплюсь, прости!

Девочка вздохнула.

– Саша, я знаю, что ты не хочешь идти на вечер, а если я тебя очень попрошу, ты придешь? – сказав эти слова, она залилась ярким румянцем.

«Ничего не понимаю, – удивился про себя Петров. – Ирка точно на меня западала, но в десятом классе, там я хоть что-то собой представлял, а сейчас-то что случилось?»

– Понимаешь, я узнала, что мальчишки собираются завтра пить вино, – продолжила Ирка. – А тебя они теперь побаиваются, поэтому если и выпьют, то немного. Там Филя – главный заводила, если он узнает, что ты придешь, может, и вообще никто пить не будет.

Порывшись в памяти, Саша вспомнил этот злополучный вечер. Только в тот раз никто не приглашал его в качестве охранника. Тогда он сам принимал активное участие в распитии красного вермута по рупь восемь копеек за бутылку. А потом блевал за углом у школьной кочегарки. Кочегар в это время заволакивал в котельную бессознательное тело Сережки Филимонова, повторяя:

– Что же вы, деточки, творите!

– Ты серьезно думаешь, что из-за меня ребята трезвыми придут? – насмешливо спросил Петров. – Серова, у тебя с головой все в порядке? Говори честно, зачем я

нужен? Если для выступления, то я и самодеятельность – понятия несовместимые.

Ирка на секунду задумалась, затем покачала головой.

– Зря не веришь, я правду сказала, ладно, не хочешь – не приходи.

Она резко повернулась и, размахивая портфелем, пошла к дверям.

«Вот попал в детские разборки, – ругался про себя Саша. – Черт! Что же делать, сходить, что ли, завтра на вечер? Так не хотелось! Одну тренировку придется пропустить. Батя точно посмеется. А Ирка какова? Надо же такой повод придумать для приглашения!»

Вчера он поспорил с отцом, что выполнит до весны норматив второго взрослого разряда, но заявил, что сможет сделать это, если будет тренироваться два раза в день.

Отец почесал лысеющую голову и неожиданно согласился.

– Хорошо, тренируйся, только вторую тренировку будешь под моим контролем. Заодно погляжу, насколько тебе упорства хватит. Кстати, в январе планируется пара соревнований на уровне города. Мы подали заявку на участие в них юношей пятидесятого года рождения, так что у тебя появится шанс выполнить свое обещание.

– Папа! – возмутился Саша. – Смеешься, что ли! Хочешь, чтобы я за две недели общую физическую подготовку подтянул? Так не получится. Хотя бы пару месяцев дай на тренировки. В марте все будет реальной.

Отец явно успокоился. Но все же не преминул съехидничать:

– Хе-хе, я-то грешным делом подумал, что ты так просто воздух сотрясаешь. Оказывается, у тебя все продумано.

Он потряс исчерканным журналом.

– Смотрю, ты журналы до дырок зачитал, умней отца хочешь стать, – добродушно посмеялся он.

– Так и есть, – подтвердил сын. – Недаром говорят, дети должны быть умней родителей.

– Хорошо бы если так, – задумчиво сказал отец, неловко погладив его по голове, пожелал спокойной ночи и пошел в спальню.

Оставшись один, Саша снова и снова проходил по разговору с отцом. Как ему показалось, тот не особо удивился неожиданному желанию стать чемпионом, вот только энтузиазмом не засветился. И это было понятно. Тренер должен хорошо представлять потенциал своего сына.

Александр Петрович сам прекрасно знал свои физические данные и понимал, что ему потребуется намного больше терпения и труда, чем тому же Витьке Васильеву, чтобы добиться своей цели.

Вот только всякие Ирки Серовы появляются на горизонте, чтобы своими грудками, попками и улыбками оторвать такого положительного попаданца в самого себя от задуманного пути.

Удивившись, что мысли о симпатичной девчонке не выходят из головы, он тоже вышел из класса и отправился в раздевалку.

Когда он вышел на улицу, там шел снег. Огромные снежинки плавно планировали на сугробы. Вокруг царил тишина. Ветра не было вообще. Последние школьники весело разбежались по домам.

Саша глубоко вдохнул морозный воздух и медленно зашагал в сторону дома. Он все еще не свыкся с новым телом, его возможности казались безграничными. Он издал дикий вопль и высоко подпрыгнул. А после приземления запустил вверх портфель. После этого смущенно огляделся по сторонам и, поймав портфель, продолжил свой путь.

Сейчас в теле мальчишки находилось сознание прожившего жизнь человека, и, в отличие от настоящих детей, старому тренеру предстоящая жизнь не казалась

бесконечностью, окутанной розовой дымкой надежд.

Он прекрасно знал, как короток этот миг между мгновением осознания себя и якобы очень далекой смертью. Поэтому и хотел прожить это мгновение так, чтобы получить от него все что можно. Но еще требуется не забыть о близких, чтобы встреча с перестройкой не оказалась для них страшным ударом, как это было когда-то практически для всех.

Машин на улице практически не появлялось. Множество прохожих, идущих навстречу, тащили елки, сетки с продуктами.

«А ведь ни одного нищего не видел за эти дни», – непонятно по какой ассоциации влезла в голову непрошенная мысль. Но он тут же понял, откуда та взялась. Год назад, тридцатого декабря, он сунул сто рублей сидящему в инвалидной коляске парню. Тот устроился у входа в супермаркет и смотрел требовательным взглядом на идущих мимо людей.

Александр Петрович понимал, что, скорее всего, деньги у инвалида отберут хозяева, посадившие его на это место, или полицаи. Но рука сама опустилась в кошелек. А сейчас, идя по заснеженной улице, он ощущал внутреннее удовлетворение, оттого что у магазина его не встретят нищие и ему не надо проходить мимо них, опустив голову.

Вновь в голове настойчиво застучала мысль, что впереди всего двадцать лет, а затем начнется бардак перестройки. К чему тогда все его чемпионские титулы, если в будущем нужны деньги, а не звания и кубки. Он вспомнил тренерскую работу в Штатах. Он там проработал не один год. Однако миллионером не стал, а вот тоска по родине не пропадала. В конце концов он решился и уехал в Россию. Никто его тут не ждал. Валюта, привезенная с собой, позволила купить скромное жилье. Петров мог бы сидеть дома на пенсии, но беспокойный характер не позволил этого сделать. Однако из-за усиливающихся болей ему оставалось работать тренером последний сезон. И тут приключилась невероятная удача – новая жизнь в юном теле.

До самого дома Александр Петрович строил воздушные замки своего будущего процветания. О масштабных изменениях в жизни страны он пока не вспоминал.

Только зайдя в прихожую, он вспомнил, что сегодня у него первая тренировка с девочками. Съев пару бутербродов, он быстро переоделся и, схватив лыжи, помчался обратно в школу, ругая себя за забывчивость.

К счастью, он не опоздал, хотя отец кинул на него укоряющий взгляд. Одноклассницы оживленно зашептались, увидев его. Старшие девицы, в том числе и Ленка Миронова, окинули его равнодушным взглядом и продолжили смазку лыж.

Увидев, какой мазью собрался смазывать лыжи сын, Петр Александрович выразительно показал ему кулак, но вслух говорить ничего не стал.

– Так, девочки, вы готовьтесь, а я на пару минут отойду, – сообщил он воспитанницам и направился к кабинету директора школы.

Девчонки не зря поглядывали на Сашу, он ничего не успел сообразить, как пришлось смазывать лыжи одной, потом другой пронырливой особе.

Неожиданно открылась дверь мужского туалета, расположенного в конце коридора. Первым оттуда вышел Сережка Филимонов, а за ним с сигаретой в зубах появился гроза одиннадцатой школы Валера Устинов. Высокий черноволосый парень радостно ухмыльнулся, увидев столпившихся девчонок. И прямым ходом направился к ним. Филимонов, помедлив, отправился вслед за ним.

Все знали, к кому направляется Валера. Еще год назад он объявил, что Ленка Миронова его девушка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Самого Устинова исключили из школы еще в прошлом году, но для Ленки ничего не изменилось. Ни один парень не рисковал пригласить ее на танец на школьных вечерах. Стукачей у Валеры хватало, поэтому смельчака, посягнувшего на танец, ждало избиение у школьных ворот.

От Валерки несло перегаром. Кинув окурок на пол, бесцеремонно растолкав девушек, он подошел к Ленке.

– Слышь, Ленка, пойдем, поговорим, – предложил он, схватив ее за локоть.

– Отстань, Валера, – довольно боязливо сказала Лена, с надеждой глядя на дверь кабинета директора школы, куда так не вовремя ушел Петр Александрович. – Видишь, мы лыжи готовим для тренировки.

– Так в чем проблема, – обрадовался Устинов, – вон пацан стоит, он тебе все сделает. Правда ведь, паренек? – обратился он к Петрову. – Быстро взял лыжи и приступил. А Филя работу примет.

Филимонов, стоявший сзади, мстительно улыбнулся, он был уверен, что Петров без слов примется за дело. А у того от ярости побелело в глазах. Так старого тренера давненько не заводили. Он сделал шаг вперед и изо всех сил ударил Устинова в подбородок.

Устинов, раскинув руки, упал на спину. Наступила тишина. Девчонки неверящими глазами смотрели на мальчишку, только что нокаутировавшего самого грозного хулигана последних двух школьных лет.

Однако Валера на удар оказался стойким, он пришел в себя очень быстро и, вскочив, танком попер на Сашу. Рядом с ним с кривой улыбочкой встал и Филимонов. Петрову, защищаясь, удалось сбить в сторону пару ударов Устинова, когда ситуация коренным образом изменилась.

– Что тут происходит?! – в унисон воскликнули Петр Александрович и Леонид Сергеевич, на шум вышедшие из кабинета.

Глава пятая

Парни, интенсивно машущие кулаками, резко остановились.

– Устинов!!! – завопил Леонид Сергеевич на весь коридор. – Ты что здесь делаешь, я сколько раз говорил, обходи школу стороной. Ну все, шутки закончились! Вызываю милицию, есть повод! Пьяный семнадцатилетний хулиган избивает семиклассника. Все, Валера, теперь обязательно поедешь в колонию. Там уж тебя перевоспитают.

Тут Филимонов отошел от ступора и начал что-то возбужденно шептать на ухо Устинову.

Тот заметно взбодрился и нахально глянул на обоих мужчин.

– Вы, Леонид Сергеевич, что-то попутали, я никого не трогал, – заявил он, сверкая накладными фиксами. – Зашел в школу на пару минут, поговорить со своей соседкой Леной Мироновой по поручению ее мамы. А этот психбольной мелкий... – он презрительно кивнул в сторону Сашки Петрова, – набросился с кулаками на меня и на Филю. Хоть у кого спросите, все девки видели, он первый в драку полез. Я только отмахивался.

Директор укоризненно глянул на Петра Александровича. А тот в это время задумчиво сравнивал противников. Валера Устинов был здоровым парнем около ста восьмидесяти сантиметров ростом и весом килограммов семьдесят, на голову выше семиклассников Петрова и Филимонова.

«Сашка, похоже, в меня пошел, – думал он с восторгом. – Надо же, такого детину не зассал. Моя кровь, мать ети!»

Услышав объяснения поддатого хулигана, Харитонов заметно сбавил напор, но Устинова все же выгнал на улицу, а тот не особо сопротивлялся. Пока директор был занят, Филимонов успел куда-то смыться. Этим он избежал порции нравоучений о вреде алкоголя, сигарет и дружбы с известными хулиганами. Один Сашка остался стоять как оплеванный, его задиристость никто не оценил, кроме пары восхищенно поглядывающих в его сторону одноклассниц.

«Надо же так попасть, – разочарованно думал он. – Лучше бы первым не бил. Хотя что еще оставалось делать? Если просто стоять, то Валера меня бы одним ударом уложил. Но с гормонами надо что-то решать, так можно в хреновую историю попасть. Хоть йогой начинай заниматься».

Леонид Сергеевич с ним разбираться не стал, оставил это на отца, но, уходя в кабинет, окинул Сашку грозным взглядом и закрыл дверь за собой.

Петра Александровича недовольные взгляды бывшего сослуживца не волновали, он сейчас старался не показывать, как был рад поступку сына.

– Ну что, все готовы? – хмуро спросил он у своих подопечных и, не дожидаясь ответа, пошел на выход.

Притихшие от последних событий девчонки нестройными рядами отправились за ним. Сашка шел последним, медленно отходя от возбуждения. Сейчас он уже жалел о произошедшей драке и ругал так некстати появившуюся в характере импульсивность.

Выйдя на школьный двор, все встали на лыжи и в небыстром темпе покатали по лыжне.

Разницу в проведении тренировки между отцом и Лукиным он ухватил сразу. Сейчас, когда он сам был опытным тренером, это ярко бросалось в глаза. Константин Федорович просто отрабатывал время, а Петр Александрович пытался сделать из девчонок лыжниц, претендующих на победы.

Однако долго наблюдать за работой отца не получилось. Тот, дав задание воспитанницам, вплотную занялся им. Увидев, как технично начал бегать сын, он удивленно поднял брови, но ничего не сказал. Посмотрев на его бег несколько минут, отметил мелкие огрехи и, предложив дальше работать самостоятельно, вновь занялся девочками.

Сашка продолжил бегать, стараясь особо не нагружаться. Через час его ожидала вторая тренировка, где уже придется выкладываться в полную силу. Так, собственно, и произошло.

Первое, что он услышал по приходе домой, были мамины упреки.

– Вы с отцом с ума сошли, тебе что, одной тренировки в день мало? У тебя же порок митрального клапана. Все, медицинской справки больше не получишь! Понял? – категорично заявила она.

Петров мысленно засмеялся. Этот диагноз в первой жизни многое ему испортил. Не пускали туда, не пускали сюда. Если бы не мама, не видать бы ему тренировок и соревнований вообще. Правда, когда он попал на призывную комиссию, от службы его никто освобождать не стал. А еще через десять лет выяснилось, что никакого порока у него нет и никогда не было.

Вот и сейчас он не утерпел и с ходу заявил:

– Мама, нет у меня порока. А шум в сердце из-за пролапса митрального клапана.

Мама резко замолчала, а затем начала выяснять, что это за болезнь и кто ему о ней рассказал. А Сашка в это время лихорадочно вспоминал, есть ли сейчас аппараты ультразвукового исследования в больнице или нет. Отговорился он тем, что слышал разговор старшеклассников, один из которых рассказывал о таком диагнозе.

Мама слушала его скептически и сразу заявила:

– А почему ты думаешь, что у тебя такая же болезнь?

Саша терпеливо попытался объяснить свое предположение, но сослаться на данные УЗИ он не мог, поэтому дискуссия закончилась маминой победой.

– Ладно, не будем перед Новым годом настроение себе портить, – заявила та. – Давай лучше нарядим елку до папиного прихода.

Саша привычно забрался на антресоли и вытащил оттуда подставку для елки в виде креста. Сделал он это на автомате, не раздумывая. А потом удивлялся, что через сорок пять лет помнит, где что лежит.

Топориком подрубив пахнущий смолой ствол, он установил елку в подставку, после чего вдвоем принялись ее наряжать.

Александр Петрович, забыв обо всем, увлеченно продолжал наряжать лесную красавицу, когда домой пришел отец.

– Ого! Вы уже елку наряжаете! – воскликнул он, вновь с грохотом роняя лыжи в коридоре. – Ну, все! Настоящий Новый год приходит!

Переодевшись, он начал помогать родным.

– Клава, может, отметим слегка? – спросил он у жены, выразительно щелкнув себя по горлу.

Та нахмурилась, затем махнула рукой.

– Ай, ладно, уговорил, давайте посидим. Отметим Сашины оценки, не припоминаю, чтобы он так четверть заканчивал. Ни одной тройки не принес в этот раз, – улыбаясь, сказала она.

Вскоре на кухонном столе появились мисочки с солеными и маринованными грибами, свиной холодец и прочие деликатесы. Петр Александрович извлек из холодильника запотевшую бутылку «Столичной» и разлил по стопкам. В Сашиной стопке был налит лимонад.

– Ну что, дорогие мои, – сказал Петр Александрович, – поздравляю вас с наступающим Новым годом, желаю нам всем здоровья, счастья. И главное, чтобы не было войны.

Дружно чокнувшись, все выпили, после чего дружно застучали вилками.

После третьей рюмки мама убрала бутылку в холодильник.

– Петя, на сегодня достаточно, – заявила она. – Мне завтра на работу, у тебя тренировка с утра.

Муж согласно кивнул и навалился на закуску.

После чая родители начали беседовать о работе, а Саша отправился в свою комнату и попытался найти себе занятие.

Так ничего не придумав, он лег в кровать и попытался заснуть. Однако сон не приходил. Сознание взрослого человека все еще находилось в конфликте с телом подростка. Сегодняшний день для него оказался слишком насыщенным. Школа, драка с Устиновым, затем две тренировки и, наконец, сидение за вечерним столом перегрузили нервную систему. Он тихо прошел на кухню и вытащил пузырек валерьянки из шкафчика. Выпив двадцать капель, он вновь лег в постель.

«В четырнадцать лет лекарства пью, что же дальше будет?» – подумал он, засыпая.

Утром тем не менее выспаться не удалось. Мама подняла его в семь часов и заставила делать уборку.

– Мне с отцом на работу надо идти, – сообщила она, – так что бери тряпку в руки и вперед. Приду, проверю, как ты старался.

Оставшийся день прошел в суете, на вторую тренировку, как он и предполагал, попасть не получилось, потому что в четыре часа уже начинался классный вечер.

«Зачем иду? – удивлялся Саша своему поступку. – Что там делать? В прежний раз напился вермута, хоть узнал, как это пьяным побывать. А сейчас чего я там не видел?»

Перебрав свою одежду, понял, что придется идти на вечер в школьной форме. Так как серые брюки и кургузый пиджак были единственными вещами без заплаток. Критически заценив свой вид в зеркале, Саша собрался надеть пальто. Но тут на его беду мама пришла с работы. Пришлось демонстрировать свой внешний вид. После чего пришлось повязать пионерский галстук и начистить ботинки гуталином. Лишь после этого удалось все же уйти.

К школе он подошел уже в темноте. У дверей кабинета домоводства стояли несколько мальчишек. Увидев его, они приветственно завопили.

– Вы чего тут мерзнете? – спросил Саша, хотя о причине прекрасно знал.

В ответ сразу несколько голосов начали шепотом объяснять, что как только допьют вермут, так и все вместе пойдут внутрь. Петрову выпить никто не предложил, поэтому он сразу прошел в кабинет.

После уличной темноты в кабинете казалось необычайно светло. Небольшая елочка, стоявшая посередине, была украшена серебристым дождем. Девочки, сидевшие за столиками, с надеждой уставились в открывшийся дверной проем, но кроме Петрова никто в него не зашел.

– Саша, где остальные ребята? – обратилась к нему классная руководительница. Ради вечера она тоже приоделась и сейчас казалась ему молоденькой девушкой, какой она, собственно, и была на самом деле.

«Вот бы за кем приударить, – подумал он, снимая пальто и глядя на осиную талию и тяжелую грудь учительницы. – Только ударялка пока не выросла».

– Не знаю, Наталья Юрьевна, – уже вслух сообщил он. – Они вроде хотят все сразу прийти.

– А ты, значит, к ним не присоединился, – ехидно прокомментировала его слова Ирка Серова.

– Не присоединился, – согласился Саша. После чего включил стоявшую у стены радиолу и поставил пластинку с песнями Майи Кристалинской.

Девочки с раскрытыми от удивления ртами смотрели, как он после этого подошел к Наталье Юрьевне и, изящно поклонившись, пригласил ее на танец. Для учительницы это тоже оказалось неожиданностью. Мгновение она колебалась, но затем встала и, улыбаясь, положила руку на плечо своему наглому ученику. Когда она поняла, что тот уверенно ведет ее по комнате, в такт мелодии, ее глаза удивленно расширились. Несмотря на то что учительница была на каблуках, глаза партнера смотрели ей в лицо.

«А ведь он смотрит на меня как взрослый мужчина», – внезапно поняла она и неожиданно для себя вспыхнула краской.

А ученик вел ее бережно, как вазу, а когда зазвучал вальс, легко закружил между столиками. В этот момент двери распахнулись, и в них соляными столбами застыли парни, не ожидавшие увидеть такую картину.

Пластинка закончилась, и игла зашипела по ее внутреннему краю. Петров довел покрасневшую учительницу до места и подвинул стул.

Девчонки захлопали в ладоши. Парни у дверей отмерли и шумом и гамом принялись раздеваться. По кабинету разнесся запах алкоголя.

На некоторое время воцарился небольшой хаос. Но затем трудами Таньки Ковригиной и Ирки Серовой все расселись за столами и после небольшого поздравления от Натальи Юрьевны принялись уничтожать яства, приготовленные девочками.

На вечер пришли практически все. Не было только Филимонова, который, отойдя от блевоты, спал сейчас в школьной кочегарке.

После того как все было съедено, снова включили радиолу. Протрезвевшие парни стояли по углам и наблюдали, как девчонки танцуют друг с другом.

Петров был совсем не прочь вновь потанцевать с Натальей Юрьевной, ощущения от ее прижатой мягкой груди что-то перевернули в его восприятии. Но он понимал, что не стоит этого делать, и пригласил танцевать Ирку Серову. Та обвела победным взором подружек и прижалась к нему, обхватив руками за шею.

Саша был совсем не против таких объятий, но Наталья Юрьевна зорко стояла на страже приличий и сразу погрозила им пальцем, после чего пришлось танцевать на пионерском расстоянии.

Этот танец послужил спусковым крючком, и еще несколько мальчишек решились пригласить девочек на танец. Только ни одна из них не осмелилась, как Ирка Серова, практически повиснуть на партнере.

Танцуя, Сашка вспоминал, что Иркина влюбчивость до добра не доведет, на первом курсе педвуза она выскочит замуж и начнет рожать детей. К тридцати у нее за спиной будет три брака и четверо детей. И, несмотря на такой опыт, она то и дело будет влипать в неприятные истории с альфонсами, желающими облапошить одинокую женщину. Что с ней было дальше, Петров не знал, поскольку переехал в другой город и потерял связи с одноклассниками.

В какой-то момент он поймал себя на мысли, что ему нравится происходящее, и, оказывается, нисколько не скучно праздновать Новый год в компании одноклассников. Он с удовольствием встал в хоровод, кружащий вокруг елки. Но в отличие от окружающих петь не пытался, чтобы не испортить праздник полным отсутствием слуха.

Девочки приготовили несколько игр, в коих он принял активное участие. И на какое-то время забыл о своем истинном возрасте.

В восемь вечера Наталья Юрьевна начала поглядывать на часы. Девчонки принялись уговаривать ее продлить вечер еще на час. В конце концов та неохотно согласилась.

Когда Петров во второй раз пригласил учительницу на танец, почти никто не обратил на это внимание. Саша рискнул на этот раз прижать ее плотнее и с удивлением отметил, что девушка ничего против не имеет. По крайней мере вслух она ничего не сказала и не пыталась отстраниться.

«М-да, в моем времени такое вряд ли бы случилось, – насмешливо подумал он. – Учителя там до смерти боятся слова „педофил”. Наверное, со мной и танцевать бы не решилась».

Однако в конце танца Наталья Юрьевна все же укоризненно шепнула ему:

– Саша, мне кажется, что ты слишком осмелел. Не боишься, что я расскажу о твоём поведении Петру Александровичу? А с Ирой ты вообще вызывающе танцевал. Не нужно было так ее прижимать.

Петров еле удержался от смеха.

«Наивная девчонка! Кому ты собралась рассказывать? Моему папаше? Он меня, конечно, не похвалит, но ругать точно не будет. А про себя еще и подумает, что сын растет правильной ориентации».

Когда все уже собирались расходиться по домам, в распахнутую дверь, впуская впереди себя клубы морозного воздуха, забрел Сергей Филимонов. Вид у него была еще тот. Помятое от сна лицо, следы рвоты на одежде. Озираясь по сторонам, он бессмысленно улыбался.

– Сережа, что с тобой? – трагическим голосом произнесла учительница. До нее никак не доходило, что ее ученик просто пьян.

– Не переживайте, Наталья Юрьевна, – спокойно сказал Петров. – Сережа слишком много выпил, а сейчас отоспался и пойдет домой, а Костя Свистунов его проводит, они в соседних домах живут. Костя, я правильно говорю? – с нажимом спросил он у невысокого круглолицего мальчишки.

– Правильно, – недовольно буркнул тот. Косте совсем не улыбалось вести протрезвевшего Сережку. От того вполне можно было запросто так схлопотать хорошую плюху.

– Неужели в моем классе мальчики пьют вино? – ужаснулась классная руководительница. – Это же ЧП! Господи, что же теперь будет? – после этих слов она резко замолчала.

– Наталья Юрьевна, можно провожу вас до дома? – вкрадчиво спросил Петров, подавая пальто. – По дороге мы об этом поговорим.

Парни уже все выскочили на улицу, боясь, что их тоже уличат в пьянстве, а девочки выходили медленно, с улыбкой оглядывая свою учительницу, так и не понявшую, что на новогоднем вечере из шестнадцати парней присутствовало всего пятеро трезвых.

Лишь Ирка Серова не улыбалась, она рассчитывала, что Петров сегодня проводит ее до дома, а тут случился такой облом. У Сашки, видимо, совсем снесло крышу, раз он начал клеиться к учительнице.

Наталья Юрьевна шла, взяв под руку своего ученика и слушая его треп, понимала, что совсем его не знала. Если отстраниться от ломающегося юношеского тенорка, то создавалось впечатление, что рядом с ней идет мужчина, притом умный мужчина. По крайней мере, он свободно ведет разговор, а не бекает и мекает, как делал бы сейчас любой школьник.

Для начала он очень грамотно рассказал обо всех учениках класса и сделал это гораздо лучше, чем ее тайные осведомительницы. Кстати, Саша посмеялся над ее наивным убеждением, что этих стукачек никто не знает. Очень логично он убедил ее не поднимать волну по поводу сегодняшней алкоголизации.

– Чего говорить о том, что уже случилось, тем более без всяких последствий, – говорил он. – Добиться, чтобы это не повторялось – это ваша задача.

Когда они подошли к дому, где она снимала комнату на чердаке, Наталья Юрьевна полностью успокоилась. Однако противный мальчишка опять порушил все ее спокойствие, ловко стянув у нее варежку и поцеловав на прощание руку.

«Нет! Это уже ни в какие ворота не лезет, – раздраженно думала учительница, поднимаясь по крутой лестнице и чувствуя томление внизу живота. – Растравил душу, как ни один парень на курсе не смог, и что теперь делать? Может, действительно его отцу пожаловаться?»

Поразмыслив, Наталья Юрьевна отказалась от этого намерения, придя к тем же выводам, что и сам виновник ее переживаний. Петр Александрович, скорее всего, останется доволен поведением сына, притом тот, собственно, ничего особенного и не делал.

Саша Петров домой шел тоже не очень радостным. Он знал, что уболтал бы учительницу на все что угодно, но вот из-за некоторых возрастных проблем именно этого он был не в силах совершить.

«Ну, и для чего ты это делал? – укорял он себя по дороге. – Ни себе, как говорится, ни людям. Это дело тебе, друг ситный, еще боком может выйти».

Хотя время был десятый час, улицы уже опустели. Редкие прохожие торопливо шли по своим делам. Глядя на молчаливый город, нельзя было подумать, что сегодня самый веселый праздник страны.

«Надо же! Как все меняется», – подумал Петров, вспоминая заполненные праздничной толпой улицы, сверкающие витрины магазинов и украшенные горящие огнями елки.

Он прекрасно знал, что сейчас там, в домах, за светящимися окнами множество людей встречает Новый год в кругу семьи, знакомых, но вот традиция уличных гуляний еще не появилась.

Дома его никто не встречал. Родители, как обычно, ушли к маминной сестре, жившей неподалеку в своем доме. По меркам этого времени он был роскошный, хотя Саша сейчас не видел в нем ничего особенного. Однако, в отличие от скромной двухкомнатной квартиры Петровых, это был настоящий дворец в четыре комнаты с кухней, где в праздники могла собраться вся многочисленная родня.

В прихожей пахло смолой и мандаринами. Александр разделся и отправился на кухню, где ему был оставлен праздничный ужин. Ничего не разогревая, он съел

все, что было на тарелках, и уселся у телевизора. Однако долго у него не просидел. Большинство шуток и песен, несшихся с экрана, раздражали, ему казалось, что от них несет нафталином.

«М-да, худо дело, – подумал он с унынием, – это там, в будущем, я с удовольствием слушал ретропередачи и выключал „поющие трусы”, а оказалось, что здесь мне их не хватает, как жалко, что они появятся только через тридцать лет. Целая жизнь пройдет, черт побери!»

Выключив телевизор, Саша улегся на кровать и в который раз начал думать, как жить дальше.

Глава шестая

Однако долго думать не получилось. Усталость взяла свое, и Петров провалился в глубокий сон без сновидений. Утром он проснулся от звучащего в родительской комнате будильника.

«Надо же, – насмешливо подумал Саша, – проспал новогоднюю ночь, когда такое было!»

За дверями слышались тихие голоса.

«А чего я, собственно, лежу? – сообразил он. – Батя на тренировку собирается, а я разлегся, понимаешь. Привык, что после Нового года десять дней можно дурака валять. Здесь вам не тут. Встретили праздник и пожалте на работу».

Вскочив с кровати, Саша включил свет и начал одеваться. Выйдя в коридор, он обнаружил, что родители пьют чай с остатками торта. На стол были выставлены все недоеденные разносолы.

– Чего вскочил? – сердито спросила мама. – Спал бы еще, каникулы начались.

– На зарядку надо, – односложно сообщил сын, под одобрительным взглядом отца накинул легкую куртку и отправился на улицу.

За ночь легкий снежок покрыл расчищенные дорожки. Мороз прибавил сил и ощутимо щипал нос и уши. Саша вдохнул морозную свежесть и, постепенно ускоряясь, побежал по знакомому маршруту.

Каникулы промчались незаметно. Январские дни были коротки, и две тренировки занимали световое время почти полностью. Надо сказать, что выматывали они здорово, но оставшегося времени хватало для восстановления молодого организма. Петр Александрович на тренировках с удивлением поглядывал в сторону сына, необычайное трудолюбие которого начинало его немного пугать. Поэтому он изменил своему правилу и забрал Сашу от Лукина. Константин Федорович на это никак не прореагировал. Он давно определил место Петрова в середнячках и не ждал от него ничего выдающегося. Поэтому расстался с ним спокойно.

Для Саши тренироваться с девчонками трудностей не представляло. Так даже было проще, они, в отличие от парней, не приставали к нему с дурацкими разговорами. Только иногда просили помочь с лыжами или креплениями. Через неделю они сообразили, что лыжи, смазанные Петровым-младшим, едут лучше, чем смазанные Петровым-старшим, и Сашин авторитет в их глазах неожиданно вырос. Еще более он возрос после того, как в середине января Петр Александрович устроил масс-старт на пять километров.

Саша выбрался из визжащей кучи девиц одним из последних, после чего рванул по лыжне, обгоняя более удачно стартовавших девочек.

Постепенно наращивая темп, он к середине дистанции вышел на третье место. Далеко впереди него маячила белая шапочка Ленки Мироновой и ярко-красный чепчик Любки Шульгиной.

Лыжня была свободна, и он, привычно проговаривая свою считалку, попытался нагнать своих соперниц. Когда до финиша оставался примерно километр, ему удалось обойти Шульгину. Та, пропустив его вперед, не отставала, а, шумно дыша, упрямо бежала за ним.

– Врешь, не уйдешь! – почти так же хрипло шептал он, приближаясь к Ленке Мироновой. Когда до цели оставалось метров десять, она обернулась и удивленно оглядела парочку преследователей. После этого Ленка резко ускорила и моментально вырвалась вперед, Саше казалось, что она не бежит,

а летит по лыжне.

А он уже не мог прибавить. И только двигая непослушными ногами, бессильно смотрел, как белая шапочка мелькает далеко впереди меж высоких елей. На финиш он пришел вторым, отстав от Ленки метров на четыреста. Когда пересек финишную черту, то обнаружил, что Миронова оживленно щебечет с тренером, и по ее виду нельзя было сказать, что она только что практически спуртовала пятый километр дистанции.

«Вот это талант! – подумал он восхищенно. – Интересно, как бы у нее сложилась спортивная карьера, если бы она не выскочила замуж за батю?»

– Неплохо, неплохо, – сказал отец, глянув на секундомер. – Пожалуй, это твой лучший результат на сегодняшний день. Так что готовься, через неделю будешь выступать на кубке города. А чего смурной такой? Злишься, что Лену не обошел? Зря, тебе до нее расти и расти. Хотя, если так дело пойдет, может, через пару лет и дорастешь.

Ленка, стоявшая рядом, прекрасно слышала этот разговор и насмешливо улыбалась, глядя на Петрова. Но бывшее безразличие в ее глазах исчезло. Когда они подъехали к школе, уже смеркалось. Неожиданная мысль пришла Сашке в голову. Он выдохнул и храбро направился к Мироновой.

– Лена, ты чего вечером делаешь, может, сходим на каток?

Девушка, не ожидавшая такого предложения, не знала, что ответить. Зато ее подружки оживленно зашептались между собой. Но Сашке было не до них, он напряженно ждал Лениного ответа.

– Ну, давай сходим, – неуверенно согласилась та, искоса глянув на тренера. Петр Александрович не менее удивленно глядел на сына.

«Взрослеет парень, – думал он в этот момент. – Наглый, прямо как я в молодости. Тоже на сверстниц не смотрел. Клавка ведь на класс старше училась. Хотя Ленка девка видная, не для такой мелочи. Из-за меня, наверное, согласилась сходить на каток, не хочет сына тренера обидеть. Ну, я дома паршивца слегка обломаю».

Петр Александрович наговаривал на себя, наглым в молодости он не был. Да и когда ему было знакомиться с девушками. После десятого класса, осенью он уже маршировал в училище, где за четыре месяца из таких салаг делали младших лейтенантов. Затем был Сталинград. Бог или судьба хранили его, из осеннего выпуска училища только ему удалось встретить Победу в сорок пятом. Может, он так бы и остался бобылем, но о скромном мальчишке, глядевшем на нее влюбленными глазами, вспомнила Клава, и судьба Петра Александровича была решена.

Поразмыслив, он решил ничего сыну не говорить. Только вечером, когда Клавдия Васильевна стала возражать против похода на каток, он дернул ее за руку и тихо сказал:

- Не лезь, парень с девушкой собрался идти.

Клавдия Васильевна остолбенела, и Саша, пользуясь этим моментом, благополучно выскочил в двери.

Потом, после множества вопросов жены, Петр Александрович пожалел о сказанном, но слово не воробей, поэтому пришлось жене докладывать в подробностях, сколько девушке лет, кто ее родители и прочее и прочее.

Саша между тем быстрым шагом шел к остановке, где они с Леной договорились встретиться. Ждать ему пришлось недолго, через несколько минут девочка появилась.

«М-да, как кавалера она меня явно не воспринимает», – констатировал Петров, оценив наряд спутницы. Она была в том же потрепанном лыжном костюме и все той же белой шапочке. Но, вспомнив, что Лена шестая из семи детей и живет ее семья небогато, он мысленно отругал себя за такие мысли.

Вначале они просто шли рядом, но Саша, прекрасно зная, что женщины любят ушами, начал обычный треп, и скоро Лена заливисто смеялась, взяв его под руку. Наверное, со стороны они для взрослых казались сверстниками одинакового роста, в спортивной одежде. Но Петров отлично помнил, что Лена старше на два года и сейчас это очень большая разница.

По мере приближения к катку народа на улице становилось всё больше. Музыка слышалась издалека.

Площадка, залитая под русский хоккей, была заполнена людьми. Саша с восторгом глядел на катающийся народ. В последние годы он часто вспоминал, как в детстве вечерами катался с друзьями и подружками. А сейчас у него появилась возможность повторить все снова, да еще в компании удивительно красивой девочки, о которой в те дни он даже не мечтал.

- Саша, ты чего замолчал? – обратилась к нему Лена, вырвав из воспоминаний.

- Да так, задумался, – буркнул Петров и направился в сторону раздевалки.

Вскоре, заплатив по десять копеек, они зашли на каток и, взявшись за руки, покатали по исполосованному коньками льду.

На стадионе «Спартак», расположенном в центре, собирался народ со всего города, и Саша надеялся, что сегодня одноклассников не встретит. Однако он забыл про девочек, бывших свидетельницами его приглашения. Поэтому вскоре за ними образовался хвост из наблюдателей, оживленно обсуждающих невероятное событие. Девочки в основном Петрову сочувствовали, зная, как Устинов колотит тех, кто пытается хотя бы пригласить Миронову на танец. А вот парни были, в общем, не против, если сегодня Сашка огребет по полной программе.

У Петрова тоже были опасения по этому поводу, но он рассчитывал, что Устинов сегодня продолжит гульбу и на каток не пойдет. Однако он ошибся. Они с Ленкой весело смеялись над ее очередным падением, когда к ним подъехал мелкий пацан с сигаретой во рту и замахнулся на него рукой, сказав:

- Ну, Пеша, получай!

Саша оттолкнул его, и тот, ухмыляясь, демонстративно упал задницей на лед.

- Это кто тут маленьких обижает? – раздался за спиной знакомый голос.

Петров резко обернулся и увидел Валеру Устинова, тот снова был в дупель пьян, одет в накинутое нараспашку пальто, на ногах у него были валенки. Больше ничего увидеть не удалось, потому что в губы прилетела приличная плюха. На миг потеряв сознание, Сашка кулем грохнулся на лед.

В чувство его привел переходящий в ультразвук Ленкин визг, а потом чувствительный удар коньком в бочину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/sanfirov_aleksandr/lyzhnik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)